Наркоманы красоты

Рэй Олдридж

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Повесть номинировалась на премию Небьюла в 1993 году (Nebula Award for Best Novella).

- Рэй Олдридж
  - ◯
- notes
  - ◯ 1
  - ◯ 2
  - ◯ 3
  - ◯ 4
  - ◯ 5
  - ◯ 6

Рэй Олдридж
НАРКОМАНЫ КРАСОТЫ

Я прибыл на Ноктайл с другими туристами и большей частью по тем же причинам: погулять по узким каменным улицам старых городов, которые опоясывали Опаловое Око, посетить туманные пляжи, посмотреть Светлячковую Луну, отражённую в странных водах Ока, — и, конечно же, увидеть сильфид,[1] которые, хоть и не люди, однако — самые прекрасные женщины в человеческой вселенной.

Я прибыл в конце зимы, когда штормы изредка тревожат спокойствие Ока, а воздух сырой и холодный. Я всегда путешествую в мёртвый сезон, если это не слишком неудобно. К тому же это, несомненно, дешевле, и в мёртвый сезон реальная местная жизнь иногда выползает из под своего заманчивого для туристов фасада.

Шатл доставил меня на площадку снаружи кольцевой стены. Вместе с горсткой попутчиков я въехал на конвейере в терминал с высоким потолком. Там я договорился о транспорте в окружённый стеной город Крондиэм и обменял валюту. Менялой была старая женщина с острыми жёлтыми зубами и вьющимися белыми волосами. «Здесь, чтоб сильфиду потребовать, а?» — спросила она, яростно скалясь. «Такой красавчик, как ты?»

«Нет», — ответил я довольно резко.

«А? Ну, тогда я увижу тебя снова, так ведь?» Казалось, что она с трудом сдерживает смех.

Я вышел подождать наружу. Сквозь высокий проволочный забор и подстриженные поля периметра мне посчастливилось мельком увидеть стаю огромных серых ферокимов, которые вприпрыжку неслись через редкий кустарник. В наши дни не так много ферокимов выжило в дикой природе. Именно непрекращающаяся жажда крови этих хищников вынудила первых колонистов строить свои города внутри защитной кольцевой стены Ока.

Говорят, что и ферокимы, и сильфиды — это сборочные узлы в одной и той же инопланетной биомашине.

Мы сели в небольшой электрический автобус, чтобы проехать под горами. Пока мы с грохотом ехали по длинному тёмному туннелю, который соединял Крондиэм со вселенной снаружи Ока, включился внутренний свет, который проявил разнообразные

граффити на пластиковом потолке. Большинство были из тех, что обычно оставляют путешественники — имена, даты и названия родным мест.

Здесь и там я заметил более интересные надписи. Сердитым угловатым почерком: «Красота женщин не заслуживает восхваления!» Над ней смазанными фиолетовыми чернилами: «Мелкие сердца бояться смотреть на красоту!» Маленькими кривыми завитушками: «Любовь как колодец: пить из него — хорошо, упасть в него — плохо».

Безыскусными каракулями:

Есть красота, да кожа толста
Уродство покрывает кость
Красота умирает и исчезает
Но уродство сохраняет себя.

Закруглёнными экспрессивными заглавными: «Красота может умереть, но она вечно отдаётся эхом». Зелёной спрей-краской: «Красота умирает легко», мнению возразили блестящей розовой строкой: «Не здесь!» Нацарапано ножом: «Любовь — как война. Начинаешь — когда пожелаешь, а бросаешь — когда можешь». Снова опровержение блестящей розовой строкой: «Не здесь!»

Крохотным слабым почерком, почти неразборчиво: «Здесь красота заставляет сердце болеть так необычно, что оно не может вынести исцеления от этой боли».

Развлеченный так своими патологически образованными предшественниками, я наконец появился в полном воды послеполуденном солнечном Крондиэме.

Конечно же, в Крондиэме есть обычные человеческие женщины и некоторые из них богаты, так что могут позволить себе покупать ту красоту, которую продают лудильщики плоти и ген-склейщики. Одна из моих попутчиц была прекрасной в человеческом смысле: терново-глазая, длинноногая женщина, одетая в яркий кафтан Джа-мира. Она смотрела на меня сквозь искусное сплетение своих волос, с осторожной оценивающей улыбкой на сочном рте. Я смело ответил на её взгляд; приключение там, где ты его находишь.

Сначала она показалась будто уверенной, но потом её улыбка испарилась и она отвернулась. Меня это позабавило. Очевидно, она приняла меня за искателя сильфид и разочаровалась, найдя во мне обычного распутника.

А потом я увидел свою первую сильфиду и забыл всё о женщине с Джа-мира.

Сильфида бежала по одному из узких тротуаров Кронди эма, мимо тёмных старых магазинов с ромбовидными витринами. Кажется, она выполняла упражнение; за исключением сандалий и вермильонового[2] пояска на груди, она была обнажена. Не смотря на прохладные тени улицы, пот золотил её.

У большинства здоровых молодых женщин привлекательное тело; что же было такого в её, что так тронуло меня? Не могу сказать, но я всё ещё ощущаю изумление, которое почувствовал тогда. Безусловно, каждая линия была упруго совершенна, каждая твёрдая выпуклость, каждая милая впадинка — но это не так уж необычно. Её кожа была такой же белой, как превосходный фарфор и такой же безупречной, её длинные волосы — плывущее красное великолепие. В этом промелькнувшем мимолётном видении я не смог увидеть цвета её глаз. Из-за этого упущения в наблюдении я почувствовал поразительно странное огорчение.

Её движения поразили меня своей нечеловеческой грациозностью, но во всём остальном я решительно не мог поверить, что под этой изумительной кожей бьётся чуждое шестикамерное сердце, что светло-зелёная кровь бежит по её венам, что некогда она была холодным водным существом. Так, когда-нибудь, она сбросит свой человеческий облик и вернётся в Опаловое Око.

Когда автобус завернул за угол и я потерял её из вида, я осознал, что задержал дыхание. Я почувствовал головокружение, словно терпел сильнейшую боль или испытывал огромное наслаждение. Так случилось, что я взглянул мельком на женщину с Джа-мира и увидел, что она изучает меня с елё сдерживаемой злостью. Затем она сделала своё лицо дружелюбным и манящим, но после сильфиды она казалась грубой и обычной и я отвел взгляд. Она тихо пробормотала что-то едкое.

Автобус подъехал к моему отелю и я взял свои куртку и ранец. Когда я проходил мимо женщины с Джа-мира, она взглянула вверх и сказала: *«Вам* следует быть особенно осторожным». Она говорила почти любезно.

Мой маленький номер располагался высоко в западном крыле Скелпина, старинной и уважаемой гостиницы в двух кварталах от волнолома. Моё единственное окно обрамляло высокий узкий кусочек Кронди эма, его серые крыши из шифера, его чёрные каменные стены, тёмно-синие навесы над каждым окном и дверью. Я подошёл к окну и открыл оконную створку. Далеко высунувшись из окна вправо, я смог увидеть только полоску перламутрового блеска — поверхность Опалового Ока.

«Из каждого номера открывается прекрасный вид на Око», —

сказал турагент о Скелпине, так это и было, почти. Неважно; позже я могу переехать, если захочу. В этот сезон Крондиэм будет полон свободных номеров.

Номер был обставлен просто: глубокое кресло с высокой спинкой, обитое чёрной кожей в морщинках, просторный шкаф, широкая кровать с резной передней спинкой. Я пригляделся и увидел, что резьба представляла собой спутанный клубок морских змей, которые, по слухам, плавали в самых глубинах Ока. Хвосты их молотили, их рептильи глаза ужасно сверкали.

Стены — неукрашенная белая штукатурка, полированный деревянный пол покрывал тускло-розовый с коричневым ковёр. Прилагалась маленькая ванная.

Несколько минут я занимался делом: распаковал и разложил свои пожитки.

В порыве, я установил мольберт и прикрепил к его раме лист мультипамяти. Поверхность мультипамяти загорелась мягким белым светом, указывая на готовность к восприятию образа. Я взял цветопалочку и присоединил её поводок к невральному штекеру, вживлённому в моё запястье.

Я нарисовал сильфиду по памяти, быстрыми грубыми мазками, имитирующими мел: сине-серый, красновато-коричневый и черный. Но, когда я закончил, всё, что у меня получилось, — это хороший рисунок красивой молодой женщины: губы сложились, чтобы вдохнуть, сильные ноги несут её по улице, высокая грудь подпрыгивает от движения, волосы развеваются позади как грозовая туча, охваченная огнём.

Ничего больше.

Другие художники говорили мне, что это бесполезно — что ни одно простое изображение не может записать то качество, которое бы отделило сильфид от настоящих женщин. Я дотронулся до края мультипамяти, чтобы сохранить портрет сильфиды. Новая чистая поверхность листа приглашала меня — но я отложил цветопалочку и спустился к раннему обеду.

В обеденной комнате никого не было, кроме полного мужчины того агрессивного городского типа, который у меня ассоциировался с людьми с Дильвермуна. Официант посадил нас как можно дальше друг от друга, за что я был благодарен.

Пример — мой Дильвермунский дилер. «А, Хендер, мой милый простодушный Хендер», — сказал он мне во время одного из моих редких визитов на этот искусственный мир. «Твоя чистота, твоя строгость, твоя неукрашенная точность… — всё это бальзам для наших чрезмерно аналитических глаз. Никогда не меняйся!» Иногда мне интересно, осознает ли он, как он

оскорбительно снисходителен? Если так, я уверен, он думает, что я слишком наивен, чтобы заметить это. Не думаю, что это имеет какое-то значение. Пока мои картины продолжают привлекать выгодное количество подписчиков, он будет продолжать скрывать своё презрение.

Я довольно сносно пообедал, хотя кухня только что открылась. Официантка поставила передо мной прозрачный суп, салат из маринованных овощей, тарелку пряных креветок и хрустящих спиралек сладкого красного перца, закрытое крышкой блюдо с мягким шафрановым рисом. Вино было изысканным, из урожая винограда с солнечной стороны кольцевой стены, чуть зеленоватое и слегка вяжущее. Конечно же, всё это было не из Ока; особая жидкость, которая наполняла Око, не поддерживала никакой земной жизни.

Я покинул обеденную комнату в состоянии приятного пресыщения.

У парадного портика швейцар предложил вызвать рикшу с крытой повозкой, но я сказал: «Пройдусь немного». Я похлопал по мольберту, который нёс сложенным, зажав рукой.

«Как вам угодно, сэр», — сказал он серьёзно.

Жители Крондиэма были в основном низкими и тёмными, с большими ясными глазами и крепкими белыми зубами.

После нескольких дней в городе мне стало казаться, что никогда я не знавал людей настолько ненавязчивых, настолько умело отходящих на задний план, или настолько уединённых. Я думаю, что такая сильная направленность в себя — это расовая необходимость в городе, где гуляют сильфиды.

В тот первый вечер я дошёл до береговой линии. Я спустился по нескольким широким лестницам и прогулялся по вымощенным дорожкам наверху покатых стен. Даже в этот сезон холодных ветров цветущие по ночам лозы разливали красоту по каждой каменной поверхности. Их цветы начали раскрываться и их аромат наполнял благоуханием наступающие сумерки.

Совершенно внезапно я вышел на выступ, с которого отрывался вид на Опаловое Око, и остановился, замерев на месте.

Многие места красивы по счастливому стечению света, формы и цвета. Например, старые портовые города — на которые Крондиэм чем-то походил — это мои любимые объекты. Часто кажется, что их выстроенная людьми красота так долго и так беспрестанно терлась о непоколебимую красоту места их расположения, что обе являются превосходно подогнанными.

Но Опаловое Око превосходит обычную красоту подобных мест так же, как сильфиды превосходят красоту обычных женщин.

Солнце заходило за дальним краем кольцевой стены — то, что город располагался на восточной стороне Ока, было ещё одой причиной, по которой я приехал сюда. Солнце Ноктайла — золотое, но длинные лучи, которые проходили через высокий туман, были красными как медь. Ниже тумана молочные воды образовывали покров опаловых цветов — синий с прожилками мерцающего малинового. Позади меня башни старого Кронди эма создавали чёрные силуэты на фоне тускнеющего пурпурного неба.

Я обнаружил, что задержал дыхание, ошарашенный красотой Ока также, как и любой другой турист.

Я почти разозлился. Я потряс головой и заторопился вниз по последнему пролёту ступеней к волнолому.

Я пришёл к вдовьему загону, одному из объектов, которые я хотел нарисовать больше всего, хотя и не собирался приступать так скоро. Обычно я люблю подождать несколько дней, прежде чем заняться серьёзной работой — но свет был интригующе меланхоличен, подходящий прохладный бриз гнал мелкую рябь в загоне, и я был один. И я по-прежнему был полон восторга от красоты Ока, который захлестнул меня.

Я быстро установил мольберт и мультипамять, подключил палочку.

Свет быстро менялся. Я провёл палочкой поверх страницы, накладывая изображение почти фотографически — из глаз к палочке, без редактирования.

На переднем плане — чёрная твёрдость каменной набережной. Сам вдовий загон с огораживающей его стеной, заросшей сорняком, и истёршиеся мраморные гаргульи, которые уселись на стене через каждые несколько метров и уставились вниз на вдов. Сверкающее стекло сфер вдовьих граалей, разбросанных по бледной просвечивающейся жидкости Ока. Тела самих вдов — расплывчатые формы, плавающие полуметром ниже своих граалей.

Ухватив картину в целом, я начал её немного изменять: гаргульи уселись чуть выше, а их истершиеся зубы стали чуть острее. То здесь, то там блестящий глаз вращался в каменной глазнице. Граали стали ещё более причудливо декорированы, более искусно украшены драгоценностями, Око я густо усеял отражённым светом — жёлтых городских фонарей, тускнеющего неба и холодного мерцания появляющихся звёзд. Я представил тела вдов чуть более отчётливо, чем они были в реальности: здесь стала видна совершенная грудь, там — изгиб изящного бедра. Однако их лица оставались неясными, а их расплывчатые руки, там, где они сжимали шланги граалей, стали неуклюжими

звериными лапами.

Ночь опустилась на Око и я остановился.

Я отсоединил палочку и посмотрел на свой набросок, который освещался тусклой внутренней подсветкой. В конце концов, я решил, что он был не так уж плох. «Сумерки у Вдовьего Загона», — произнёс я, обозначая название записи.

Когда я оторвался от мольберта, то обнаружил, что я больше не один. Стройная фигура, закутанная в длинную мантию с капюшоном, стояла в нескольких метрах дальше по набережной и смотрела вниз на загон.

Через мгновение она повернулась ко мне. Капюшон затенял её лицо, хотя здесь, рядом с белым мерцающим светом Ока, по-настоящему темно не было. Я вдруг стал уверен, что это сильфида, и почувствовал дрожь в слабеющих коленях. «Привет», — сказал я.

Её голос был музыкой — я никогда не слышал ничего настолько гармоничного. «Привет», — сказала она. «Вы художник?»

«Да», — ответил я.

Её манеры были безупречны; она даже не взглянула на мольберт, пока не спросила: «Можно посмотреть?»

После моего кивка она подошла поближе и рассмотрела изображение. Её аромат был нежнее, чем запах цветущих ночью цветов, но это всё, что я смог почуять.

«Интересно», — наконец сказала она, и сердце моё упало. *Интересно* — слово, которое используют критики, когда им в голову не приходит слово по-лучше… и они хотят казаться вежливыми. Возможно, она не это имела в виду, но я не смог заставить себя поблагодарить её за этот комментарий.

Она протянула элегантную руку. Один длинный палец почти дотронулся до наброска там, где подёрнутая рябью лапа вдовы приближалась к поверхности. Затем она раскрыла ладонь и медленно повернула её, словно позволяя мне рассмотреть её изящество со всех сторон.

Я почувствовал, как извинения пытаются вырваться из моего горла, но с силой удержал их.

В конце концов, она произнесла изумительным голосом: «Благодарю. За то, что показали мне свою работу». Она пошла дальше по набережной и даже в длинной мантии её движения казались медленным, идеально выверенным танцем.

«Всегда пожалуйста», — сказал я, когда она уже давно ушла.

Сверху, на возвышенностях позади меня, освещенная светом процессия сходила вниз к воде — слуги вдов пришли, чтобы

забрать их на ночь домой.

Я взглянул мельком на загон и увидел волну спазматического движения, когда вдовы стали пробуждаться от своего наркотического сна.

Почему-то моё любопытство временно испарилось и я решил, что не в настроении в эту первую ночь быть свидетелем их появления.

Я сложил мольберт и поспешил прочь, пройдя через небольшой парк, где собралось несколько рикш. Другие туристы прогуливались по направлению к загону, разговаривая громкими возбужденными голосами.

* * *

Вернувшись в номер, я лёг на кровать, размышляя о своей встрече с сильфидой. В своей памяти, которая всегда была необычно точной, я снова слышал её голос, видел, как она движется. Чем же таким особенным она отличалась от настоящей женщины? Я не мог сказать; различие было либо слишком большим, либо слишком малым для моего понимания.

Через некоторое время я включил комнатный холоконтур, который был довольно умело замаскирован под скамеечку для ног.

В воздухе замерцало меню, список доступных функций. Я быстро выбрал: ИНФОРМАЦИЯ, ОПАЛОВОЕ ОКО, НАУЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Холоконтур показал мне поверхность Ноктайла как будто через иллюминатор устаревшей звездной лодки. Подзаголовок внизу изображения гласил: *Первый мимолётный взгляд человечества на Ноктайл, семнадцать сотен стандартных лет назад.*

Ноктайл увеличился, повернулся, чтобы показать Опаловое Око — ослепительную белую поверхность в окружении коричневого и зелёного. Кольцевая стена Ока из чёрного базальта очерчивала его. По местному времени был полдень, поэтому горы кольцевой стены отбрасывали тени только к северу — мягкие серые ресницы.

Точка зрения опустилась к поверхности Ноктайла, а Око выросло и заполнило почти весь контур. В передней части контура появилось дополнительное изображение: лицо женщины. Она стала говорить мягким хорошо поставленным голосом. «Опаловое Око Ноктайла — это одно из Тысячи Чудес человеческой вселенной. Современное мнение экспертов

пангалактических миров состоит в том, что Око — это артефакт, возраст, цель и происхождение которого невозможно установить.

Кое-кто предполагает, что Око — это результат удара метеорита; этой теории верится с трудом, принимая во внимание точную симметрию Ока, его глубину — в несколько раз большую его диаметра — и состав жидкости, заполняющей Око, которая не имеет аналогов нигде в человеческой вселенной. Будучи основанной на воде средой, жидкость приобретает свои уникальные свойства из многообразия постоянно взаимосвязывающихся полимеров, образующих химический состав слишком сложный для современных *аналитических возможностей человеческой техники.* Жизненные формы, поддерживаемые этой средой, в равной мере непостижимы…»

Я прервал её. Я не видел смысла дополнять свою собственную ненаучную запутанность.

Вновь появилось корневое меню и я выбрал Крондиэм: НОЧНАЯ ЖИЗНЬ.

Появился список баров, клубов, кафе. В каждом содержался параграф с описанием особенностей заведения: развлечения, еда, наркотики, клиентура. Несколько клубов, работающих допоздна, заявляли, что среди их завсегдатаев есть сильфиды. Я выбрал один под названием Холодная Кровь.

Контур заполнило изображение замысловатого танцевального зала Холодной Крови, изображение, которое очевидно было записано в разгар сезона, потому что туристы заполоняли танцполы и наркобары, все в том состоянии лихорадочного веселья, которое случается, когда плотность населения в закрытом пространстве превышает определённую критическую точку. Туристы, кажется, хорошо проводили время, но ни одна из женщин, которые танцевали в контуре, не казались настолько красивыми, чтобы быть сильфидами.

Я пожал плечами и выбрал другое самопровозглашённое место сбора сильфид, под названием Опаловая Башня, и выяснил, что это бордель. Действо здесь было гораздо менее буйное. Мужчины и женщины входили в уютную, обшитую панелями, комнату и, сидя в уютных креслах, делали свой выбор с помощью небольших плоских экранов. Входила красивая женщина и уводила клиента. Комментарии намекали, но прямо не утверждали, что эти женщины были вдовами, только что из загона.

Путеводители, которые я прочитал перед поездкой, описывали подобные места; перед осуществлением акта наивный клиент получал дозу Экстазина[3] и отправлялся восвояси счастливым, нежно вспоминая сильфид Опалового Ока.

Было правдой, что иногда вдовы принимали гостей в своих постелях. Пока они сохраняли человеческую форму, вдовы имели те же самые сексуальные потребности, как и любая человеческая женщина. Всё же, я не верил, что существовала какая-то организованная торговля благосклонностью вдов, так как они почти по определению были очень богаты.

Я улыбнулся такой оптимистичной доверчивости моих собратьев людей.

Куда бы пошли сильфиды, если — и это вероятно, было большим допущением — они жаждали дружеского общения с себе подобными — или с людьми, которые не были их мужьями? Когда сильфиды достигают зенита своей красоты, когда их мужья приближаются к смерти… могли бы они не искать отвлечения, места, чтобы подождать вдали от смертного одра своих мужей?

Наверное, они бы не стали бывать в тех местах, которые посещаются туристами. Конечно, им нечего особенно бояться человеческой грубости или даже насилия — инопланетная мускулатура делала их во много раз сильнее любого человека. Однако я вспомнил почти скрытное поведение сильфиды, которую встретил у загона. Была она типичной для своего вида? Я представил, как она прилагает немалые усилия, чтобы избежать возможности встречи с каким-нибудь невоспитанным субъектом, который тычет ей холокамерой в лицо.

Я вызвал трехмерную каркасную карту района кафе Крондиэма. «Отметь сферы деятельности из списка базы данных отеля», — приказал я контуру.

Засветилась большая часть пространства у основания старых зданий, заполненная светло-зелёным свечением, посередине которого крохотными красными буквами всплыли названия мест и их деятельность.

Здесь и там были пробелы, где места явно существовали, но не были указаны в списке. Я установил перекрёстную связь с городским справочником и, используя световую указку, уточнил информацию об этих пробелах. Большинство оказалось небольшими магазинчиками, не связанными с туристической индустрией. Несколько оказались жилыми домами. На три запроса ответ был лишь *Конфиденциальные Данные,* и я записал эти адреса.

Я взял пальто из шкафа и закрыл окно. Мольберт я оставил, и это, по-моему, было первым знаком того, что мои цели, хотя бы немного, изменились.

На этот раз я принял предложение швейцара насчет рикши, которую тянул небольшой широкогрудый мужчина. На нём был

оранжевый плащ, бесформенная чёрная шляпа и выражение непроницаемого апломба. Я назвал ему первый из адресов и он молча кивнул. Мы отправились в путь проворной рысью, обитые колёса рикши глухо бились о булыжники.

Необычный ароматный бледный туман заполнял тёмные улицы, туман, названный в путеводителях «дыхание Ока». Он ограничивал видимость двадцатью или тридцатью метрами и заставлял город казаться ещё более таинственным. Он придавал особую теплоту проблескам жёлтого света из плотно прикрытых ставнями окон. Звуки странно разносились в тумане: музыка дюжины миров, взрыв смеха, дребезжание посуды. Я откинулся на липкие подушки рикши и постарался зафиксировать эти ощущения в памяти.

Район кафе располагался выше по горному склону, над красивыми гостиницами и дворцами вдов. Фасады зданий здесь были менее впечатляющими. Чёрный камень был залатан растрескавшимся бетоном, а голубые навесы были чаще выцветшими и изодранными.

Каждое кафе и бар были обозначены названием, выгравированным над входом, и маленьким круглым окном из цветного стекла, не больше двадцати пяти сантиметров в диаметре, сделанным в стене прямо рядом с дверью. Некоторые оконца были темны; я предположил, что эти заведения закрыты, возможно, на этот сезон.

Я был очарован изображениями, которые были представлены в этих окнах. У бара с названием «У Перепончатолапой» окно показывало маленькую девочку с розовыми ленточками в серебристо-белокурых волосах. У неё было ангельское выражение лица и такие длинные клыки, что, казалось, они вминали плоть под её ключицами. В «Бронированном Сердце» окно было разделено узкой вертикальной полосой зелёного стекла, на которую был наложен мужчина с распростёртыми руками. Левой половиной своего лица мужчина печально улыбался; другая половина была скалящимся черепом. «Настоящая Винная Лавка Мей» показывала задумчивую рыбачащую женщину. Дуга её удочки следовала окружности окна; внизу мужчина с широко-раскрытыми глазами старался изо всех сил извлечь из своего рта огромный самоцвет, огранённый изумрудом.[4]

Я остановился, чтобы поближе рассмотреть это изображение, и изумился змысловатости работы. Внутри этого маленького пространства были сотни кусочков, некоторые не больше, чем мерцающие осколки, свинцовые перемычки не толще карандашного штриха. Я легонько приложил палец к стеклу и почувствовал вибрацию непрерывной музыки.

Когда я вернулся, рикша вздёрнул брови. «Поехали», — сказал я.

Первый адрес оказался подразделением Туристической Полиции. Из рикши я заглянул в раскрытую дверь. Человек в странной кожаной шляпе с тремя козырьками невозмутимо посмотрел на меня из-за высокого стола. Зелёная лампа отбрасывала на его жёсткое лицо яркий рисунок света и тени.

Я дал рикше следующий адрес из моего списка и почувствовал определённое облегчение, когда мы завернули за ближайший угол.

Он привёз меня к тёмному пролому без двери. Длинные языки копоти покрывали фасад здания — очевидно, что это заведение недавно пострадало от серьёзного пожара. Рикша посмотрел на меня без выражения. Я был уверен, что он знает, что я ищу, и я подумал, что странно, что он не предлагает отвезти меня туда, или, по крайней мере, в какое-то место, которое походит на то, что мне было нужно.

Тем не менее я дал ему третий адрес и он безмятежно кивнул.

Мы углубились в район переулочков, где было мало фонарей, а туман казался гуще. Я бы встревожился, не объявляй путеводители так категорически о безопасности любой части Кронди эма, независимо от времени.

Мы остановились перед широкой деревянной дверью, стянутой стальными полосками. Над дверной перемычкой не было никакого названия, но круглое окно тускло светилось.

«Вы подождёте?» — спросил я.

Рикша кивнул.

Я подошёл к порогу и наклонился, чтобы изучить окно. Сначала оно показалось простой циклической абстракцией из белого опалового стекла различной плотности. Но в то же время оно могло быть рисунком волн, как его видно с высоты над поверхностью Ока — или, возможно, из глубины. Оно было довольно красивым, в каком-то приглушённом смысле.

Я постучал в дверь и она сразу же распахнулась.

Швейцаром был кронди эмец, который без слов взял мой плащ, а потом махнул мне в сторону вестибюля по направлению к проходу с низкой аркой. Общеизвестные звуки тихого небольшого бара поманили меня — звяканье стаканов, невнятная речь, мучительный кашель курильщиков. Музыки я не услышал.

Я почувствовал растущее возбуждение. Даже если я не найду здесь сильфид, я, по крайней мере, найду место, неизвестное другим туристам, а, как большинство путешественников, я высоко ценю чувство эгоистичного открытия.

Я шагнул в широкое низкое помещение, густо окутанное наркотическим дымом и слащавым запахом неразбавленного алкоголя. Было довольно темно, за исключением рисунка из красных светящихся полос, встроенных в пол, которые проливали тусклый свет. Мне пришлось на время остановиться, чтобы глаза привыкли.

Длинная барная стойка упиралась в дальнюю стену, но за ней никого не было. Несколько патронов сидели за столами вдоль стен. Я напряжённо вглядывался, но, похоже, сильфид здесь не было; фигуры, большей частью, были тяжеловесные, устало склонившиеся над своей выпивкой.

Мои глаза привыкли и я вдруг понял, что стою в комнате умирающих мужчин. Тогда я понял, кто были эти патроны, и почему бар, который их обслуживал, предпочитал обходиться без рекламы. Они все смотрели на меня, в основном со слабым любопытством — хотя некоторые казались ещё достаточно сильными, чтобы выказать негодование, засверкав глазами.

Как бы то ни было, я двинулся к бару. Будь это место запрещённым для туристов, швейцар не впустил бы меня. Болезнь, от которой страдали мужья, была не заразной — примерно так я подумал тогда.

Барменом был огромный мужик, голый по пояс, с татуировками инфорсера[5] Ретрэнтик на плечах. Ко мне он отнёсся без каких-либо видимых чувств; словно машина ожидала моего заказа. «Бренди Абраксас… у вас есть?» — спросил я.

Он кивнул и достал пыльную бутылку из под стойки.

Я с благодарностью вдохнул яркий аромат и отхлебнул. Бармен смотрел, как я пью, с тем же самым нервирующим отсутствием выражения на лице, и я отвернулся, намереваясь найти столик в самом тёмном уголке.

Конечно же, я увидел, что все самые тёмные столики были заняты. А чего я ожидал, здесь, в этом месте уродливых больных?

Один из мужчин поднял бокал в мою сторону и позвал удивительно сильным голосом. «Пойдёмте, гость из далека. Посидите со мной минутку».

Я испытал прилив благодарности и сел за столик напротив него. Я не видел его чётко, хотя пытался, всматриваясь в его затенённые черты с тем, что позднее я вспоминал, как невежливое любопытство. Через мгновение он без злобы рассмеялся и прикоснулся к фитилю псевдосвечи в центре столика.

Небольшое жёлтое пламя осветило не слишком ужасно испорченное лицо, по крайней мере по стандартам путеводителей, на котором были печальные следы неизлечимых мужей. Он был очень худ, его волосы выпали неравномерными

участками, но у него не было открытых ран и разъеденной ткани. Глаза его были ясные, и когда он улыбался, то показывал полный набор зубов.

«Итак», — сказал он. «Вы как следует прониклись отвращением?»

По его выражению я понял, что это была шутливая любезность, потому улыбнулся в ответ. «Видел и хуже», — сказал я.

«Вы — закалённая душа». Он печально покачал головой, улыбаясь. «Моё имя — Ронделло. Гай Ронделло, с Серебряного Доллара. А вы?»

«Миллен Хендер, с Парсиваля». Я отхлебнул своего бренди и попытался составить вопросы, которые хотел задать.

«Парсиваль, э? Прелестный мир. Фермы в долинах, овечьи станции в горах, верно? Что унесло вас так далеко от вашего мирного королевства… и занесло в эту юдоль горестного наслаждения? Несчастная любовь, возможно? Дела? Удовольствие?» Ронделло говорит так, будто был искренне заинтересован.

Я пожал плечами. «Мои любовные романы всегда были довольно счастливыми. Я турист, некоторым образом, хотя путешествие — это и моя работа, в некотором смысле».

Он выпрямился, движения явно причиняли ему боль. «Интригующе, друг Хендер — хоть немного неясно. „Некоторым образом“, — говорите вы. „В некотором смысле“. Вы не могли бы по-конкретнее?»

В его тоне была насмешка, хотя он не казался злым. Однако я ответил отрывисто. «Малюю», — сказал я.

«Полагаю, не здания?»

Мне пришлось рассмеяться. «Только когда они особенно живописны. Нет, я путешествую, рисую те виды, которые поразили моё воображение. Потом я возвращаюсь домой и жду, не продадутся ли эти картины. Полагаю, это неплохая работа».

«Звучит превосходно», — сказал он. «Вы знамениты? Я должен был бы слышать о вас?»

«Наверное, нет», — сказал я немного тоскливо. Ни один художник, какой бы он ни был известный, никогда не чувствует себя в достаточной мере оцененным по достоинству, а я к тому же был довольно малоизвестен.

«Честный человек», — сказал Ронделло. «И вы прибыли на Око, чтобы увидеть сильфид?»

«Среди прочего».

«А! Вы уже увидели свою первую сильфиду?»

«Да, я так думаю». По-правде, я был уверен, что видел двух

сильфид.

«И что вы почувствовали, когда увидели её?»

Я просто покачал головой; у меня не было слов.

«Да», — сказал он, его голос стал гораздо мягче. «Я почувствовал тоже самое, в первый раз. Знаете, я приехал на Ноктайл не для того, чтобы стать мужем. Вы удивлены? Нет, на самом деле, я приехал, чтобы сращивать информационные кабели, бесстрастный наёмный специалист с женой и тремя любимыми детьми. У меня были личностные характеристики, которые, предполагалось, защитят меня от суицидных полётов фантазии. Я пробыл здесь всего лишь три недели перед тем, как осознал, что я должен обладать своей собственной сильфидой». От сделал глоток и вздохнул. «Сколько вы здесь?»

«С сегодняшнего полудня».

«И вы так быстро нас нашли?»

Я был в замешательстве. «На самом деле, я не искал вас. Я надеялся найти место, куда ходят сильфиды».

Он снова рассмеялся. Хриплый смех. «Хендер, да вы исследователь-оптимист. Такого места не существует; а если бы оно существовало, то туристы скоро пронюхали бы про него — не обижайтесь. Нам, мужьям, удаётся сохранять наше уединение потому, что нам не придают большого интереса. В конце концов, мы умираем, мы уродливы и мы дураки. Более того, зачем сильфидам собираться в баре? Они ничего не пьют, за исключением воды Ока, а человеческие наркотики на них не действуют».

«Они не хотят повидаться с друзьями?» — спросил я.

«Друзьями? Какими друзьями? У сильфид нет друзей, они не понимают само это понятие. Хендер, только из-за того, что они выглядят как женщины, говорят как женщины, ходят как женщины… даже пахнут немного как женщины… не делайте ошибки и не верьте, что они и *есть* женщины. Это ведёт к сумасшествию, к той боли, что выжигает нас». В напористости, он привстал со своего стула.

Я подумал, что очень странно слышать, как муж сильфиды предостерегает меня от сумасшествия. Должно быть это отразилось на моём лице, потому что Ронделло снова сел и его лицо немного расслабилось.

«Да-да, конечно, вы правы. Мне ли говорить, э? Но что, в конце концов, вы знаете о степени нашего безумства?» Он сделал жест, который охватил всю комнату, полную умирающих мужчин. «Вы удивитесь, если узнаете, что все мы, те, кто здесь, прожили гораздо дольше, чем считается обычным для мужей? Сам я прожил шесть лет со своей любимой и надеюсь протянуть ещё

несколько лет, до того, как она полностью убьёт меня».

Это была интригующая информация. Согласно путеводителям, в среднем муж протягивает всего лишь четырнадцать месяцев после дня, когда он принимает посвящение сильфиды.

«Хотите знать как?» — спросил Ронделло, по-прежнему читая по моему лицу. «Я расскажу вам. Все мы здесь трусы. Мы пробуем своих дорогих, но не объедаемся ими. Моя Лириита, например, лишь немного красивее, чем самая красивая человеческая женщина во вселенной. В сравнении с самыми спелыми сильфидами, чьи мужья постоянно живут в их объятиях, чьи мужья собираются умереть, Лириита — жалкая бедняжка-простушка. Ха!» Он сделал большой глоток и скривил лицо.

Я был восхищен. Гай Ронделло, должно быть, был человеком сверхчеловеческой сдержанности, для того, чтобы так нормировать свой аппетит к красоте. В большинстве холодрамм, где действие происходит в городах, рядом с Опаловым Оком, человек, который берёт сильфиду, вступает на путь непрерывно ускоряющейся безудержной гонки к уничтожению. В этих пьесах сильфида день ото дня становится всё более красивой, более неотразимой, а муж — слабее и всё более отчаянно желающим быть поглощенным — и, в действительности, это не драматическое преувеличение, это совершенно точный обычный ход событий, согласно ксенобиологам, цитировавшимся в путеводителях.

«Как?..» — начал я.

«Как? Мы здесь все трусы, разве я этого уже не говорил? Флегматичные души, все поголовно, которые в состоянии наблюдать нечеловеческую красоту и… не быть уж слишком недовольными, что нет большего. Мы избегаем наши дома, скрываемся в местах, подобных этому — или содержим отдельные квартиры, если мы богаты. Мы ограничиваем время, в которое обретаем экстаз с нашими любимыми; сам я отваживаюсь спасть с Лириитой лишь раз в неделю. Всё остальное время… мы должны довольствоваться воспоминанием о том, какой может быть любовь». Он пожал плечами.

«Я не знал, что такое возможно», — сказал я.

«О, да, друг Хендер, есть много того, о чём не знают путеводители! На самом деле, я подозреваю, что человек с непреклонной волей… такой человек мог бы попробовать наслаждения сильфиды, а затем, прежде, чем смерть схватит его слишком крепко, отступить, разорвать связь, позволить сильфиде вернуться в её естественное состояние в Око». Он допил свой напиток и подал бармену знак повторить.

«Когда-то», — продолжил Ронделло: «я думал, что я и есть такой человек. Тщеславие, тщеславие. Интересно, сколько других глупцов начинали с таких же заблуждений».

Последовало долгое молчание. Ронделло был прав. Никогда путеводители не бывают полными, за что мы должны быть благодарны.

В конце концов он снова заговорил. «На продолжительность нашей жизни может влиять и другой фактор, хотя, лучше бы я даже не подозревал об этом. Думаю, что мы здесь все — мужчины с малым количеством природной красоты в душе, таким малым, что когда сильфиды проявляют это и делают очевидным, мы недолго можем этому противостоять. Есть в этом смысл? Нет, нет, не отвечайте. По правде говоря, я не хочу знать, что вы об этом думаете».

Он посмотрел на меня с выражением ничуть не печальным и таким чужеродным, что мне пришлось подавить дрожь.

Он заговорил снова. «Вы должны быть очень осторожны. Художник, почитатель красоты… вы будете как сухое дерево для её пламени, сгорите мгновенно. Будьте очень острожны». Он с содроганием глубоко вздохнул. «Итак, вы умный турист, вы кое-что нашли, о чём можно написать дома. Теперь настало время вам уйти». Он потянулся и потушил псевдосвечу, и я больше не мог видеть его выражение.

Я ушёл.

Утром моя голова казалось забитой полу-сонными видениями и я заказал завтрак в номер.

За сладкими пирожными и кофе с Джа-мира я лениво перелистывал свои путеводители, пытаясь найти цель на сегодняшний день, фокус моего любопытства.

Одна из книг, упав, раскрылась на тщательно скомпонованном чёрно-белом изображении Пляжа Встречи, где мужчины ждут, когда сильфиды появятся из Ока.

Я прочёл:

> У каждого города вдоль побережья Ока есть свой собственный Пляж Встречи, и многие из них содержат в себе маленькие шедевры ранней Поселенческой архитектуры, сохранившиеся с тех дней, когда первые человеческие поселенцы Ноктайла ещё пытались объяснить странный феномен Ока религиозным языком.

Я закрыл книгу и оделся для похода на пляж.

Я решил прогуляться; мои путешествия в последнее время

давали мне мало возможности для физических упражнений. Я обнаружил, что без такой стимуляции мои глаза становятся немного мутными, руки — немного дрожащими. Пляж был всего лишь в трех километрах от отеля, а мелкий дождь в данную минуту прекратился.

Когда я вышел из портика Скелпина, странное сине-зелёное небо Ноктайла показалось в проносящихся просветах в серых завитках низких облаков. Воздух был почти тёплым, а бриз — робкой лаской.

Крондиэм лежал на покатом косогоре между двух огромных скал. На севере город резко заканчивался у вертикального склона, который на две тысячи метров уходил в Око. Но на юге у основания скалы на километр шёл галечный пляж.

У главного южного входа города колонисты возвели впечатляющие ворота. Чёрные базальтовые колонны были пять метров в высоту и поддерживали массивный притолочный камень, украшенный резьбой в форме полулежащей обнаженной женщины. Она нежно улыбалась, поддерживая подбородок правой рукой, а в левой руке, которая покоилась на очаровательном изгибе её бедра, она держала маленький серп.

Высеченная фигура была всецело великолепной, мощной и сдержанной. Несомненно, народ Крондиэма когда-то был чувствительным к красоте. Я остановился на несколько минут, чтобы сделать быстрый набросок. Ворота создали бы изящный повествовательный фон для картины сильфиды — хотя, возможно, ни одна из них не проходила этой дорогой после того дня, как они вышли из Ока.

За воротами к пляжу вела неровная тропинка, и я пошёл по ней.

Лёгкий ветер дул с вершин и стихал над Оком, разглаживая прибой в плещущую рябь. Я прошёл вдоль пляжа, изредка поскальзываясь на крупной гальке. Аромат Ока казался здесь более сильным, чем в городе, а сияющее солнце пригрело настолько, что я снял свитер.

Мужчины ждали в стоящих в ряд каменных хижинах, маленьких строениях с открытыми фасадами и высокими остроконечными крышами. Путеводители называли их «святыни» и сообщали, что в самом начале мужчины ждали в них, исполняя религиозный долг. Потом сильфиды стали появляться гораздо реже, и их выбор толковался как пророчество.

Было шесть святынь, каждая посвящена своему обитающему в Оке существу: ханосу, большому виндидному угрю, водорезу-фрегату, четырехкрылому скату, красному панголоиду и

луножуку. Люди Кронди эма до сих пор разделяют свои кланы по этим тотемам, но первоначальный религиозный порыв уже давно испарился.

Высеченные подобия тотемов по-прежнему украшают фасадные фронтоны святынь, хотя теперь мужчины, которые сидят внутри, прибывают из отдалённых миров человеческой вселенной и по причинам, которые весьма отличаются от тех, что сподвигали ранних поселенцев.

Я медленно бродил по пляжу перед святынями, всматриваясь, с радостной невинностью обычного туриста, на на трёх ищущих, которые сегодня были в наличии. Сейчас они ждали в расслабленных позах; полный прилив будет ещё через пол часа. У одного был складной стул для лужаек и ящик со льдом, двое других сидели скрестив ноги на циновках.

Я решил подойти к экипированному лучше всех ищущему, который сидел внутри святыни, посвящённой виндидному угрю. Он прихлёбывал из жестянки светлого пива.

«Привет», — сказал я, направляясь к нему и пытаясь удержать равновесие на чёрных голышах.

Он добродушно махнул и я, ободрённый, ступил под его нависающую святыню.

Вблизи он, кажется, не выказывал какого-либо болезненного вида, который можно было бы ожидать от человека, выбравшего умереть ряди любви. У него было открытое покрасневшее лицо, коренастое широкоплечее туловище и грубоватые мозолистые руки. Он носил корабельный костюм и серебряные браслеты с бирюзовыми шипами. У него было выражение флегматичной авторитетности. Я принял его за инженера или механика.

«Привет», — снова сказал я. «Меня зовут Хендер. Я художник, здесь, чтобы записать виды Кронди эма. Можно с вами поговорить?»

«Почему нет?» — ответил он, улыбаясь. «При условии, что наше общение закончиться до того, как поднимется полный прилив». Он указал на установленный на галечном берегу обелиск, на котором были отмечены кольца, показывающие стадии прилива; двадцать сантиметров водорослей и кроваво-красных морских уточек ещё были видны над яркой поверхностью Ока.

«Спасибо», — сказал я, но дальше я не вполне знал, как продолжить. Я отложил свой мольберт в сторону и уселся на крыльцо святыни, раздумывая, что я могу спросить у этого дружелюбного сумасшедшего.

«Итак», сказал он. «Я могу представиться. Я — Кёрм Деллант из Брон Сити на Трегаскисе. Знаете такой?»

Трегаскис — это горнодобывающий мир, суровый и неприятный, а Брон Сити — его промышленная столица. Я кивнул.

«Да? Ну, тогда выпейте со мной пива в память об этой подмышке пангалактических миров, которую я, по счастью, больше никогда не увижу». Он выудил жестянку из ящика со льдом и передал её мне.

Она был лишь слегка прохладна; очевидно, лёд уже растаял. Однако от физической нагрузки я испытывал жажду и с благодарностью её выпил.

Прежде, чем я успел сформулировать любезный способ представить своё любопытство, он снова заговорил. «Полагаю, вам интересно, что я здесь делаю?»

«Да, верно».

Он решительно посмотрел на меня. «Обычно туристы сюда не приходят; они не хотят видеть сильфид такими, какие они на самом деле. Вы уверены, что вы здесь не для того, чтобы потребовать себе сильфиду?»

«О, нет», — уверил я его. Должно быть я выглядел довольно шокированным его предложением, потому что он рассмеялся и расслабился.

«Хорошо, хорошо», — сказал он. «Некоторые, кто приходит потребовать сильфиду, думают, что есть какая-то техника, что-то, чему можно научиться. Способ заставить её выбрать тебя из всех других. Такой уловки нет. Ты просто должен ждать, так терпеливо, как только можешь». Он похлопал свой ящик со льдом и подмигнул.

«Почему вы *здесь?*» — спросил я.

Он допил пиво и метнул пустую жестянку через плечо в растущую кучу в задней части святыни. Потом он положил руки на колени и наклонился вперёд, рассматривая меня с меньшим добродушием. «Вы находите таким трудным поверить… что такой человек, как я, может захотеть быть любимым красивой женщиной?»

Я покачал головой, припоминая, что умирающий муж говорил, что сильфида никогда не становиться женщиной, несмотря на внешность. «Нет. Но цена… оно того стоит?»

Он пожал плечами и открыл ещё одно пиво. «Думаю, у каждого, кто приходит сюда, есть своя причина. Я расскажу вам свою, если хотите». Он бросил взгляд на приливной обелиск. «Как можно короче».

«Пожалуйста», — сказал я.

«Хорошо. Как думаете, сколько мне лет? Не нужно отвечать; мне почти восемьсот стандартных лет. Это долгая жизнь, не так

ли?» Он вздохнул. «За это время я починил много поломанного горнодобывающего оборудования, целую уйму. Выпил пива столько, что можно затопить звёздный крейсер. Был женат четырнадцать раз, большей частью удачно, и у меня детей, внуков — пра-пра-пра-и-как-их-там-внуков — больше, чем я могу сосчитать. И всё это время у меня никогда не было хобби больше, чем на неделю или две. Никогда не хотел путешествовать. Человек с ограниченным воображением, так вы можете меня назвать.

Итак, когда вы сделали всё, что, по-вашему, должно было сделать, что вы будете делать после? Прокрадётесь в бюро эвтаназии, где никто из безумно любящих потомков не увидит? Нет, будь вы мной, вы бы не стали. Это представляется каким-то непочтительным способом поцеловать на прощание жизнь, такую удачную, какой была моя».

Он тихо засмеялся и показал в сторону Ока. «Нет, вы попытаетесь придумать что-нибудь ещё, отправиться куда-нибудь, где никто не подумает вас искать, где вы, наконец, сможете сделать что-то совершенно непохожее на то, что делали всю свою жизнь. Это и *есть* совершенно непохожее, что скажете?»

«Полагаю, что так».

«Конечно это так!» — сказал он яростно. «Кроме того, вы *видели* какую-нибудь из этих женщин?» Он покачал головой в изумлении. «А разве вы с готовностью не трахнули бы слизня, чтобы заполучить потом одну из этих женщин… В смысле, если бы вам, к тому же, не пришлось умереть за это?»

Я принял это за риторический вопрос и не ответил. Он одарил меня взглядом умеренного раздражения и некоторое время не говорил.

В конце концов он сказал: «Так что, я копил, пока не накопил на билет — это не плохо, так как билет нужен лишь в один конец». Он захихикал и отпил большой глоток пива. «И вот я здесь».

Мне пришёл в голову ещё один вопрос, довольно невежливый. Путеводители имели тенденцию фокусироваться всё больше на чарующих жизнях и хорошо продаваемом трагическом падении вниз самых богатых ищущих, тех, которые могли покупать дворцы и граали для своих вдов. «На что вы будете жить, после того, как вас выберут? Вы достаточно скопили на жизнь?»

«Нет», — сказал он без видимого смущения. «Вдовы предоставляют комнаты в своих дворцах и еду для тех, кто не может платить за них сам. Почему нет? Они могут себе это позволить».

Я подумал об этом и попытался представить, что происходило в этих комнатах. Он, кажется, догадался, о чём я думаю, и продолжил: «Да, долго я не проживу. Однако, что за прелесть, э? Быть запертым с самой прекрасной женщиной во вселенной. И говорят, что сильфиды из маленьких комнат — самые красивые из всех — поэтому, когда я умру и она пойдёт обратно к Оку, даже жители Крондиэма будут плакать, видя, как она уходит».

«Конечно, никакого грааля для неё. Этот обычай я не понимаю», — продолжил он. «Когда ты мёртв, ты — мёртв; какое тебе дело, если твоя сильфида превратиться обратно в слизня?»

«Не знаю», — сказал я. «На самом деле, здесь много того, чего я не понимаю». Но внезапно я *действительно* понял порыв мужей сохранить созданную ими красоту. Что, если бы я знал, что все мои картины превратятся в прах в день, когда я умру? Что бы я сделал, чтобы сохранить работу всей моей жизни?

«Так», — сказал Кёрм Деллант резко. «Я больше не могу болтать. Прилив почти полный, поэтому, вы должны уйти».

Я поднялся. «Удачи», — сказал я довольно неуверенно.

Он любезно кивнул, но всё его внимание было направлено на пляж и перламутровую зыбь Опалового Ока.

Я пошёл прочь, назад к тропинке в Крондиэм. Когда я проходил мимо последней святыни, посвящённой лунному жуку, я повиновался импульсу и вошёл внутрь.

Это была самая заброшенная из святынь, которая собрала внушительную гору мусора. Я стоял в передней части святыни и пытался представить, каково это, ожидать здесь существо, которое заберёт мою жизнь.

Я взглянул на Око и увидел, как чужеродная голова сильфиды прорвала поверхность.

В каком-то шокированном очаровании я смотрел, как оно выбралось на пляж, существо немного похожее на тюленя-рептилию. Его кожа была жёсткой и белой, и сверкала мириадами крохотных чешуек. У него было два огромных фиолетовых глаза и свисающий зоб. Мясистый спинной плавник начинался примерно по середине его сумкообразного тела, и разветвлялся в точке, где к телу присоединялись его задние придатки. Костистые грудные плавники подталкивали его по гальке ко мне, шлёпающей походкой, которая была неожиданно быстрой.

Ко мне? Не знаю, о чём я думал, когда остановился в святыне. Знало ли как-то это существо, что я был всего лишь зрителем, довольствовавшимся наблюдением с безопасного расстояния? Я глянул на другие святыни и увидел сердитые лица, повёрнутые ко мне.

Я бросился бежать вверх по пляжу так быстро, как только могли нести меня ноги. Когда я обернулся, чтобы взглянуть в последний раз, сильфида направлялась к святыне, которую занимал Кёрм Деллант.

Я почувствовал странную радость, что механик получил то, чего хотел, хотя я не мог понять, как он может делать то, что делает.

Согласно путеводителям, следующую ночь он проведёт со своей сильфидой и утром она пойдёт с ним в город на своих новых ногах.

Когда я вернулся в вестибюль Скелпина, женщина-портье показала что-то и позвала меня. «Сэр? Для вас сообщение».

Она передала мне пластину. «От кого это?» — удивлённо спросил я. Кто знал, что я в Кронdиэме?

Она пожала плечами. «Посыльный оставил, сэр, без объяснений».

Я отправился к себе, в задумчивости, но, когда добрался до номера, я не стал сразу же воспроизводить пластину. Я лёг на кровать, думая об ищущих на пляже. Был ли весь этот феномен всего лишь поворотом в том стремлении к смерти, которое некоторые люди всегда носили в своих сердцах? Это казалось каким-то уже слишком лёгким объяснением.

Через некоторое время я установил мольберт.

Я подумал о том, что видел на пляже. Попытался сделать быстрый набросок святынь с их нетерпеливыми обитателями, сидящими на корточках подальше от света, так похожими на притаившихся хищников. Я заставил их глаза засверкать, а зубы — заблестеть, и нарисовал эту сцену словно день был такой хмурый, что все краски утекли из мира, оставив только серый, чёрный и холодный коричневый.

Результат мне особо не понравился, но я внёс его в память для переработки в будущем.

Я попробовал вид приливного обелиска, склонившись, по-началу, до совершенно буквального изображения. Но пока я работал, поверхность Ока приобрела неестественные изгиб и упругость, будто это была грудь громадной женщины, а обелиск, с его кольцом кроваво-красных морских уточек, показался чёрным шипом, воткнутым в эту совершенную кожу.

Я сбросил изображение, немного шокированный тем, что поднялось со дна моего разума.

В итоге, я попробовал изобразить сильфиду, как она выталкивает себя из моря, но получилось ещё менее удовлетворительно. Я никак не мог заставить сильфиду

выглядеть как что-то большее, нежели чем уродливое инопланетное животное. Поэтому, я превратил сильфиду в мелкий элемент композиции, заключённый в рамку из рук мужчины, вытянутых в мольбе. Это изображение я тоже сохранил для дальнейшей работы, однако я полностью исчерпал творческий порыв и отложил мольберт.

Я включил холоконтур и вначале хотел воспроизвести полученное сообщение, однако потом я пробежался по меню, пока не дошёл до записи с названием ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ. Я запустил её и откинулся на переднюю спинку кровати.

По контору пробежала случайная серия красок, затем он прояснился и показал лицо и верхнюю часть туловища полевого ксенобиолога по имени Крэндл. У него были совиные глаза и жидкая бородка. На нём был выцветший рабочий полукомбинезон, а на носу — толстый слой зелёной мази от солнца. Он уверенно вещал из кокпита бронированного скифа. «У нас ещё нет каких-либо достаточно подтверждённых гипотез, чтобы объяснить… а… специфику взаимодействий между людьми мужского пола и так называемыми „сильфидами“. Ситуация до крайности сложна, и становиться ещё сложнее от того факта, что ни один из вовлечённых людей никогда ещё не желал представить на научное исследование течение своих личных взаимоотношений.

Однако, можно предположить… Сильфиды могут оказаться исключительным примером паразитического миметического[6] вида живых организмов, не слишком редко встречающейся адаптацией. Одним теоретическим затруднением, в данном случае, является то, что во время эволюционного процесса, который достиг высшей точки в сильфидах, не мог иметься в наличии человек. Кроме того, сильфиды в своей „естественной“ форме, по-видимому, не обладают разумом, тогда как в своей адаптированной форме они представляются по крайней мере такими же умными, как человеческие существа — хотя сильфиды всегда противились попыткам проверить их интеллект.

Смертельное повреждение так называемых мужей сильфид — это ещё один озадачивающий вопрос. Во время сексуальной активности, которая, по-видимому, играет важную роль в трансформации сильфид, из специальных пор на коже сильфид выступают реснички и проникают в тело человека, для чего — неизвестно. Представляется, что это не затрагивает питание, так как протеины сильфиды и человека не только несовместимы, но и чрезвычайно токсичны по отношению друг к другу».

Крэндл покачал головой. «Мы просто не знаем…»

Я запустил следующую запись, симпозиум религиозных

лидеров.

Первой выступала лоснящаяся привлекательная женщина, Преподобная Ангрина Демирелл из Объединённых Космических Конгрегационалистов. «Очевидно, что события на Ноктайле — это больше, чем метафора, больше, чем выдающееся, чудодейственное проявление великого фундамента нашей веры: что любовь преодолевает всё — даже страх смерти!

Нет, мы уверены, что эта также и космический механизм накопления любви, что Опаловое Око, по чистой правде, есть ни что иное, как бьющееся сердце вселенной, и когда-нибудь, когда мы научимся любить друг друга, как мужья любят своих сильфид, этот огромный аккумулятор любовной энергии лопнет и затопит Вселенную своим теплом!» Она села, очевидно истощённая своим пылом, глаза её блестели.

Камера наехала на следующего участника, стройного мужчину с вытянутым сардоническим лицом. Подзаголовок определил его как Верховного Дьякона Ирамуса из Церкви Мужчины Воителя.

Он фыркнул и помахал рукой, будто отгоняя плохой запах. «Ясно, что вы крайне возбуждены, Преподобная Демирелл. Смертельные результаты извращений, практикуемых на Ноктайле, есть предостережение Всеобщего Присутствия против неэволюционной, антисанитарной и морально деструктивной практики совокупления с *женщинами*». Дьякону удалось придать последнему слову бросающий в дрожь ужас.

Он продолжил более бесстрастным тоном. «Не будь Ноктайла, нам было бы нужно изобрести его, как предметный урок для тех, на кого простое благоразумие не действует».

Старик с кривой улыбкой наклонился и попал в поле камеры. «Вы делаете публичное признание, Ирамус? Сильфиды — просто теологическое оружие? Если так, почему вы ограничили их Оком? Почему не посеять их по всем океанам пангалактических миров?» Подзаголовок определил старика как Роджера Лэкхосона, представителя Общества за Продолжение Эволюции Человечества. Камера опустилась и показала нижнюю часть тела старика, которая была заменена пучком кожистых щупалец, каждое из которых было одето в трубку оранжевого шёлка.

Старик сел и соединил кончики пальцев, образовав острия. «Подумаем над вот каким парадоксом: Как представитель инопланетных особей по отношению к человеческому мужчине может быть более красивой, более соблазнительной, чем любая человеческая женщина? Мы верим, что этого не могло бы быть, реализуй человечество весь свой потенциал в процессе эволюции. Мы должны продолжать экспериментировать, подгонять

двигатель эволюции — как это ясно демонстрируют события на Ноктайле».

Я потянулся к пульту дистанционного управления, чтобы выключить эту болтовню, но тут камера переключилась на следующую персону в группе, некую Неллес Эсиун, было указано, что она логик, связанная с Церковью Мирской Рациональности, зарегистрированной на Дильвермуне. Это была худая женщина с угольно-чёрной кожей и короткими рубиново-красными волосами, подстриженными так, что их гребешки спиралью расходились от её ушей и сливались в гребень на макушке её длинного черепа. Черты её лица были резко высечены, а в ноздре у неё был сверкающий голубой топаз.

Так я услышал, как она начала говорить. «Мы проверили большое количество догадок в отношении так называемых сильфид Опалового Ока. Единственная, которая, на наш взгляд, имеет хоть какой-то смысл, эта: Поскольку само Око является артефактом, постольку это относится и к живым организмам внутри Ока. Но для какой цели эти существа были сконструированы?»

Она сделала паузу, словно собираясь с мыслями, но у меня было впечатление, что пауза была умелым ораторским ходом, что она говорила эти слова так много раз, что может обратить своё внимание всецело на манеру, в которой она их произносит.

Она продолжила более низким и мрачным голосом. «Мы верим, что сильфиды существуют для того, чтобы хранить воспоминания и эмоциональные отголоски мужчин, которых они соблазнили. Мы полагаем, что они были созданы какой-то исчезнувшей или в настоящее время отсутствующей расой, чтобы воззвать именно к такой расе, какой является человеческая: сентиментальной, чувствительной к красоте, чувствительной к тщательно изготовленной иллюзии любви — особи, для которых любовь может превзойти страх смерти.

Несомненно, что популяция сильфид в Оке стабильна; не было найдено никаких молодых экземпляров, никаких доказательств размножения. Те же самые сильфиды выходят из Ока снова и снова, узнают всё больше и больше, возвращаются в Око, сбрасывают человеческие формы и восстанавливаются. И действительно, сегодня сильфиды более красивы, чем в прежние дни, более изощрены в имитации человеческих качеств».

«Мы не видим злого умысла в этом механизме», — сказала она. «Мужья должны умирать, чтобы сильфиды могли снова войти в цикл и в конце концов найти другой источник памяти — но мужья являются добровольцами. Мы чувствуем, что человечеству, в целом, нечего бояться конструкторов Ока. Поэтому, мы верим,

что использование Транспирина — это контрпродуктивная практика. Её следует объявить незаконной, граали — разрушить, а так называемых „вдов“ вернуть в Око, чтобы они продолжили предназначенную им функцию».

Она уставилась прямо в камеру. «По сути, обезьянам опасно вмешиваться в механизм, который они не понимают».

В нижней части контура была область определения терминов и я выбрал ТРАНСПИРИН. Сведения появились на смоделированном плоском экране радом с боковой частью контура. ТРАНСПИРИН: *человеческий рекреационный препарат, первоначально разработанный для того, чтобы люди-ныряльщики могли дышать под водой. Чрезвычайно дорог, так как особая уникальная формула должна быть разработана для каждого отдельного пользователя. Случайно было открыто, что препарат, сделанный на заказ для ДНК мужа сильфиды — если принимался сильфидой каждый день, начиная вскоре после смерти мужа — задерживал на неопределённое время регресс сильфиды в её первоначальную форму.*

Я вспомнил граали, плавающие в смутном молоке Ока, и выбрал ГРААЛЬ.

ГРААЛЬ: *Общий термин для механизмов, которые обеспечивают потребности так называемых «вдов» Опалового Ока в Транспирине. По существу, это работающий на солнечной энергии синтезатор, приспособленный для плавания в жидкости Ока, каждый грааль — абсурдно дорогой и незаменимый прибор, специально запрограммированный на сильфиду, которую снабжает. Стоит граалю случайно поломаться или стать нефункциональным, сильфида быстро возвращается к своей исходной форме.*

Я выключил контур.

Некоторое время я просто лежал на кровати, наслаждаясь неусложнённой тишиной и лёгким ветерком, залетавшим из открытого окна. Я отказался думать об измышлениях моих собратьев людей. Я был уверен, что у Ока есть какой-то более глубокий, невыразимый смысл, и решил придерживаться романтической точки зрения, даже если этот смысл никогда не станет мне более ясным.

В конечном счёте я вставил пластину с сообщением в прикроватный считыватель. Небольшой плоский экран показал статичное изображение на фоне бледно-фиолетового тумана — гирлянда, сделанная из элегантных белых псевдо-цветков растения, которое свободно плавает на поверхности Опалового Ока.

Голос, который я припомнил, мягко сказал: «Гражданин

Хендер, я — та особа, с которой вы говорили вчера — в сумерках у вдовьего загона. Вы были довольно любезны и показали мне свою работу, и я рассказала о нашей встрече мужу. Он хотел бы обсудить возможность заказа. Если полагаете, что можете заинтересоваться, пожалуйста, приходите в наш дом этим вечером после того, как поужинаете».

Сообщение закончилось. В центре гирлянды появилась элегантная плавная подпись: Мэделен д'Осимри, а потом — адрес.

Мэделен жила на первой улице прямо над морской стеной, где располагались самые изящные дворцы.

Естественно я был взволнован этим приглашением. Однако образ сильфиды, как она появляется из Ока, был ещё слишком свеж в моей памяти — и это воспоминание охладило мой энтузиазм, совсем немного.

Я заснул.

В сумерках я, в конце концов, проснулся, замерзнув от ветра, который задувал через окно. Я встал закрыть его, ещё пошатываясь, пытаясь вспомнить сон.

Красноволосая сильфида, которую я видел из автобуса, пыталась подать мне блюдо из ханоса с карри, от которого я отказывался, говоря: «Нет, нет, я бы хотел его попробовать, но оно отравит меня. Правда».

Она была обнажена; она сбросила вермильоновый пояс с груди. Её прелесть была сокрыта только блюдом с ханосом, которое она соблазнительно протягивала мне.

Мои чресла по-прежнему болели. Было что-то ещё, но детали ускользнули, когда я стряхнул сонное похмелье. Сон этот был настолько очевиден и банален в своём значении, что должен был почти смутить того, кто его видел.

Я спустился к ужину, но поужинал, не замечая, что ел, настолько я был заинтригован перспективой встретиться с сильфидой в социальном окружении — это было необычно. Обычно муж не испытывал побуждения поделиться красотой своей сильфиды с кем-либо.

Я подумал о Гае Ронделло и его закадычных друзьях. Он уверял меня, что у сильфид нет друзей. Интересно, не описывал ли он вместо них себя и других мужей.

По возвращению в свой номер, я принял душ и оделся с необычной тщательностью. Мой старый учитель, Анабэйд Младший, как-то сказал мне: «Все настоящие художники тщеславны. Художникам, которые заявляют, что их не заботит их внешность, доверять нельзя. Они, весьма вероятно, лгут и в другом».

В два часа после заката я объявился по адресу, который дала мне Мэделен д'Осимри — у узких бронзовых ворот в высокой базальтовой стене. Синяя лампа освещала уличный номер, а цветочный аромат долетал из-за стены.

Прежде чем я успел нажать звонок, из динамика раздался мягкий голос. «Добрый вечер, гражданин Хендер. Слуга проводит вас к нам».

Ворота распахнулись и за ними показалась необыкновенно простая Крондиэмская женщина. Она, без выражения, внимательно меня осмотрела. «Сюда, сэр».

Я последовал за ней по мшистой вымощенной кирпичом дорожке, через когда-то прекрасный сад. Теперь сад был запущен, клумбы разрослись и поросли сорняками. Самые колючие растения, по-видимому, сохранили больше всего силы; пока мы взбирались к террасе, стилетная лоза порвала мне рукав куртки.

Я пробормотал что-то раздражённо, служанка повернулась ко мне и обдала меня взглядом злобного веселья. «Осторожно, сэр», — сказала она со смаком. Мне стало интересно, что она думает обо мне — без сомнения женщины Крондиэма имели нелестное мнение о мужчинах, особенно чужаках, которые приехали сюда умирать. Она приняла меня за одного из них? Я покачал головой, чувствуя неловкость.

На вершине широких ступеней террасы я повернулся и посмотрел назад. Вид на бледную поверхность Ока был великолепен — в темноте Око был как огромная снежная равнина, а огни других городов мерцали вдоль чёрной зубчатой ленты кольцевой стены.

Я снова повернулся к дворцу. Позади линии стеклянных дверей, которые образовывали переднюю часть террасы, кто-то ждал, вырисовываясь силуэтом на фоне идущего изнутри света. Я не мог её чётко видеть через фасочные стёкла дверей, но в её позе было безошибочное изящество.

На мгновение я остановился, без движения, испуганный. «Идёмте, сэр», — сказала Крондиэмка. «Хозяйка ждёт».

В конце концов я двинулся вперёд, однако меня переполняла смесь предвкушения и, как ни странно, сожаления… словно сейчас в своей жизни я проходил по дороге, по которой я никогда больше не смогу пройти.

Служанка придержала для меня дверь и я прошёл внутрь.

И тогда я в первый раз увидел Мэделен отчётливо.

Есть некоторые вещи, которые не поддаются описанию, и всё же производят на нас такое сильное впечатление, что мы вынуждены описывать их снова и снова — не только другим, но

даже самим себе. Солдаты пытаются описать вызывающее галлюцинации ощущение войны. Матери пытаются описать, каково это — приложить к груди новорожденного. Возлюбленные пытаются описать потерю своих любимых. Святые пытаются описать понимание своих особенных божеств.

Я могу попытаться описать Мэделен… хотя я уверен, что даже моё неистово удерживаемое воспоминание не возвратит мне её адекватного образа.

Её кожа была настолько бледно-фиолетовой, что была почти белой. Её волосы — стремительный поток просвечивающего аметиста, ниспадающий сияющими волнами почти до талии. Её глаза были огромные и пурпурные, её губы — тёмно-тёмно малиновые. В это мгновение её расцветка показалась мне самой прекрасной из мыслимых… а любая другая женщина во вселенной — грязным комом по сравнению с ней.

Широкие скулы, нестреловидные брови, узкий подбородок под большим ртом — всё это были детали в цельности той обескураживающей живости, на которую я должен был смотреть.

На ней было простое белое платье без рукавов, длинной до бёдер, с высоким воротником из серебряной парчи, и никаких драгоценностей. У неё был пурпурно-розовый цветок ночной лозы и веточка серовато-розового алиссума приколотая, чтобы сосборить ткань у её правого бедра. Любое другое украшение приуменьшило бы её совершенство. С левой стороны на платье был разрез до талии, открывающий её гладкое мускулистое бедро.

Её тело казалось совсем человеческим в его характерных признаках: узкая упругая талия, бёдра, немного более широкие, чем теперь было модно, небольшие округлые груди, широкие плечи, изящные руки, длинная грациозная шея. Подобная бесстрастная опись не может дать ни малейшего представления о том эффекте, который она на меня произвела.

Мне вдруг пришло в голову, что её муж, должно быть, очень близок к смерти.

Она использовала тот же самый аромат, на который я обратил внимание у загона, и мне стало любопытно, был ли он продуктом парфюмерного искусства или просто запахом её тела.

В пангалактических мирах, где любой с небольшим количеством денег мог быть красивым, все попривыкли к обычной красоте. Её же красота была настолько экстраординарна, что, когда она сказала: «Привет, Гражданин Хендер», — в ответ я смог только раскрыть рот в немом удивлении.

Тем не менее я немного собрался и сказал: «Простите; думаю, я слегка замёрз».

Она приняла это извинение без следа насмешки. «Мне жаль… в это время года наш климат не очень приятен. Вам следует посетить наш город весной; это гораздо приятнее». Она улыбнулась, чуть задумчиво.

Это показалось настолько нелепым человеческим замечанием, что я не смог придумать ответ, поэтому, просто кивнул.

«Итак», сказала она всё ещё улыбаясь. «Байрон хотел бы встретиться с вами немедленно». Она повернулась и я понял, что должен следовать за ней.

Она пошла к освещенной прихожей. Её грациозность в облегающем платье была ещё более завораживающая, чем у вдовьего загона, и я споткнулся о край ковра и громко затопал, пытаясь восстановить равновесие. Она не обернулась.

Из нашего прохода по дворцу я ничего не могу вспомнить. Обычно я чрезвычайно заинтересован в деталях меблировки, декора, предметов искусства — меня всегда очаровывают очень состоятельные люди и их специфические вульгарности.

С таким же успехом я мог идти за ней через невыразительный белый тоннель; всё, что я мог видеть, была Мэделен.

Но мало-помалу другие ощущения просачивались, становились сильнее. Было зловоние: резких химикалий и болезни. Лампы потускнели. Мэделен двигалась более медленно и в её грациозной походке появилась странная неуверенность.

Наконец она остановилась, остановился и я — после того, как поравнялся с ней, отчаянно желая хотя бы мельком увидеть её профиль. Она бросила на меня двусмысленный взгляд, а потом заговорила. «Гражданин Хендер, мой муж, Байрон Осимри Барраматта».

Когда я с неохотой отвернулся от неё, я почувствовал приступ смущения, а за ним — небольшой шок отвращения.

От Байрона Осимри осталось немного. Его остатки лежали на узком столе поддержания жизни, опутанные трубками и проводами-датчиками, покрытые гладкой чёрной пластиковой простынёй. Было так, словно там лежал скелет, но скелет из какого-то мягкого вещества, сплющивающегося. Его лицо было скрыто под коже-маской, и я подумал, были ли эти умные, правильные черты лица на маске — чертами Осимри до того, как они разрушились. Его глаза просвечивали сквозь маску, сальные чёрные выпуклости, каким-то образом ещё более отвратительные, чем что-либо ещё. Я представил, как он, должно быть, выглядит под простынёй, лужа разлагающейся плоти, крошащиеся кости, выступающие из гнили.

Я испытал краткое ужасающее видение: красота Мэделен страстно прижимается к этому живому трупу. Я сразу же отогнал этот образ от себя, прежде чем смог почувствовать тошноту, дрожь или как-то ещё проявить свою реакцию.

Его тело и голова оставались без движения, пока он говорил искусственно сгенерированным голосом. «Гражданин Хендер! Добро пожаловать в наш дом». Он звучал несоответственно энергично.

Я сумел вежливо кивнуть и сказал: «Спасибо, Гражданин Осимри».

Последовало неловкое молчание, во время которого я боролся с желанием посмотреть на Мэделен, хотя я почти ничего не ощущал, кроме её тёплого присутствия рядом со мной.

«Итак», — наконец сказал Осимри. «Мэделен говорит, что вы способный художник. Она почти с энтузиазмом говорила о наброске, который вы ей показали. Вдовьего загона, не так ли?»

«Она так говорила?» Эту фразу я подразумевал как уклончивую любезность; а вышла она с примесью изумлённого удовольствия.

«Да, говорила», — сказал он как-то сухо. «Как ты выразилась, дорогая? Тот рисунок Гражданина Хендера уловил „какое-то опустошение и стерильность“, — думаю так ты сказала».

Здесь было какое-то скрытое течение, какая-то эмоциональная борьба, которую я совершенно не понимал. Я взглянул на Мэделен, её лицо было странно напряжено — хотя это выражение ничего не отнимало от её красоты.

Я был удивлён, что умирающее тело Осимри смогло сохранить такую упрямую страсть, но её наличие заставило меня насторожиться. «А», — сказал я глупо. «Ну, предварительный набросок, вы знаете».

«Понятно», — сказал Осимри. «Вы принесли портфолио? Можно посмотреть?»

«Конечно», — сказал я и повернулся, чтобы установить мольберт. «Так будет нормально?» — спросил я, имея в виду расположение мольберта.

«Так хорошо. Я устроил всё так, что моё зрение исчезнет в последнюю очередь. По очевидным причинам». Его ужасные влажные глаза повернулись к Мэделен.

Я установил на место лист мультипамяти и активировал его.

Я указал на изображение. «Эта сцена нарисована во время моего посещения Снега. Вы знаете об эфемерах, которые когда-то жили там? Это был один из их портретных залов — сейчас, конечно, разрушенный». Мультипамять показала коридор, занесённый снегом. По его заплесневелым стенам косо висело

несколько изорванных картин, вся сцена целиком заключалась в рамку из провисшего дверного проёма. Я гордился этим экземпляром; благодаря удаче или нечаянному умению разнообразные углы образовали тёмный вихрь, вибрирующий на краю хаоса.

Осимри ничего не сказал. Я перешёл к следующему изображению. «Это придворный портрет Линианского верховного палача в день перед его отставкой». Это был необычный заказ, но я снова был доволен результатом. Мне удалось придать синему жабоподобному инопланетянину почти человеческое выражение достойно ожидаемой печали — хотя я никогда не был полностью уверен, что этот эффект был подходящим. Инопланетяне есть инопланетяне.

«Превосходная работа», — сказал Осимри. «Но нет ли у вас образцов из нашего маленького городка?»

«Ну», — сказал я. «Я пробыл здесь совсем недолго и всё, что у меня есть, это, на самом деле, грубые наброски. Я не горжусь ими».

«Вздор, Хендер», — сказал он. «Я уверен, они чудесны — но я буду держать в уме, что они — ещё не законченные работы. Покажите нам». В искусственном голосе была резкость, словно он не останется таким вежливым, будь я настолько глуп, чтобы перечить ему.

Я почувствовал внезапную дрожь мрачного предчувствия. Всегда опасно иметь дело с очень богатыми; они часто отказываются признавать границы, которые люди по-меньше должны соблюдать. Возможно я был беспечен, придя сюда.

«Если желаете», — сказал я наконец. «Хотя, как я сказал, у меня есть лишь несколько вещей». Я убрал мультипамять, на которой было моё стандартное портфолио, и заменил её планшетом с набросками.

Я показал изображение резных ворот над Пляжем Встречи.

«А», — сказал он. «Теперь кажется, что это было так давно, когда я прошёл под ними. И всё же, очень недавно, по счёту дней. Следующая картина!»

Я дотронулся до мультипамяти и вызвал набросок вдовьего загона.

Несколько долгих секунд он исследовал его. В конце концов он сказал: «Выразительная работа, но я не вижу меланхолии, которую описала Мэделен. Мне он видится довольно мирным изображением».

Снова я почувствовал скрытое течение конфликта, но в этот раз я не осмелился посмотреть на Мэделен.

Я вывел набросок обнажённой красно-волосой сильфиды.

Мгновение он пристально глядел, не реагируя, потом сказал: «Сильфида?»

«По-моему, так», — сказал я, немного уязвлённый его сомневающимся тоном.

«Некоторые мужчины в душе так мелки, что им требуется зависть других. Поэтому они выпускают своих любимых на улицы». Его голос стал ниже. «И всё же, это понятное побуждение… если вульгарность, в этом случае, кому-то доставляет удовольствие. Скажите мне, Хендер, вы любите вызов? Думаете, вы сможете преуспеть там, где многие другие потерпели неудачу? Создать изображение сильфиды, которое бы передавало её более-чем-человеческую красоту?»

«Эта мысль приходила мне в голову», — сказал я осторожно.

«Хорошо! Показывайте дальше».

Как только я показал набросок появляющейся сильфиды, видимой через вытянутые в мольбе руки ищущего, тело Осимри затряслось. Я был поражён; я думал, что подобное движение в его разлагающемся состоянии было невозможно.

«Выключите», — проскрежетал он. «Выключите!»

Я немедленно отключил мультипамять. «Простите», — сказал я. «Я не хотел вас обидеть».

Осимри лежал молча, его отталкивающие глаза застыли на мне. Молчание длилось так долго, что я засомневался, не умер ли он, и уже был готов сказать что-нибудь необдуманно смелое, когда он наконец снова заговорил.

«Нет», — сказал он. «Вы сделали не больше, чем я просил. Но то, что вы показали мне, было настоящей ложью. Или ложной правдой, если предпочитаете. Посмотрите на Мэделен и скажите мне, что она всего лишь то *создание*, что вы нарисовали. Смотрите!»

Так что я посмотрел. Она ответила на мой пристальный взгляд с некоторой прохладой, но без самосознания. Или возмущения.

«Понимаю вашу точку зрения», — сказал я, но мне было интересно, почему мы говорим о ней, словно её здесь нет. Или словно она была каким-то неодушевлённым предметом.

«Хорошо. Хорошо. Мне нравится ваша работа, Хендер, и, кроме того, через день или два я умру, а какова вероятность того, что прежде, чем я превращусь в мясо для червей, случайно зайдёт другой художник хоть какой-то репутации?»

Я всё ещё смотрел на Мэделен и увидел, как печаль сошла на её лицо. Рот её задрожал и одним уголком опустился вниз. Я с неохотой возвратил своё внимание к Осимри.

Я почувствовал необходимость сказать что-нибудь вежливое,

хотя на самом деле Осимри казался мне уже мёртвым, говорящим трупом. Но прежде, чем я смог сформулировать какое-нибудь сочувственное замечание, он продолжил.

«Итак. Мой заказ — это портрет моей дорогой Мэделен, сделанный с приложением всех ваших сил. Приходите снова завтра ночью, в это же время, и начинайте». Он кажется рассматривал сделку как заключённую, и я бы не осмелился возразить ему, даже если бы не хотел так отчаянно нарисовать её.

«Если я умру раньше, чем вы закончите, я должен верить, что вы закончите работу». Он сделал паузу, в его глазах появился тусклый свет. «Я могу верить вам?»

«Я закончу портрет, приложив все силы и старание», — сказал я.

Каким-то незаметным способом он подал сигнал Крондиэмской служанке, которая появилась возле меня со сложенными руками. Осимри заговорил ещё раз. «Служанка переведёт гонорар на ваш счёт; если он окажется недостаточно щедрым, скажите и мы договоримся. А теперь, прощайте. Моя возлюбленная и я должны извлечь всю пользу, какую сможем, из эти последних часов». Глаза повернулись к Мэделен и, казалось, потрогали её с отвратительным предвкушением.

«До свидания», — сказала она, не поворачиваясь ко мне.

«Хорошо. До свидания», — сказал я, желудок сжимался от антипатии и неуместной похоти. «До свидания».

Я последовал за служанкой к выходу и каким-то образом справился с тем, чтобы не обернуться.

* * *

У меня не было никакого желания возвращаться в свой маленький номер одному, поэтому, я окликнул рикшу и отправился в Холодную Кровь, клуб, который заявлял, что среди его клиентов есть сильфиды.

Там я выпил бренди Абраксас и курил зелёно-золотой гашиш с Джа-мира, пока вселенная не приобрела обычную привлекательность.

Я не увидел сильфид, но после того, как я я покурил и выпил ещё, их отсутствие стало казаться несущественным.

Некоторое время спустя со мной познакомилась дружелюбная молодая женщина, и я пригласил её посидеть со мной. Она была симпатичная и продемонстрировала кривоватое остроумие; мне она понравилась. Она сказала мне, что она с Амфоры, садового мира, и что она и несколько её полу-мужей приехали на Ноктайл

по комплексной турпутёвке.

Все её полу-мужья разошлись по борделям в надежде переспать с сильфидой, объяснила она. Она была, продолжила она, немного умнее своих мужчин, на самом деле гораздо умнее, чтобы поверить, что сильфид так легко купить. Поэтому, она приотстала от них, чтобы поискать более реалистичных удовольствий.

Она рассказала мне всё это с определенным безошибочным напором, и её рука мягко скользнула на моё бедро.

Она выбрала мудро; я разрывался от неудовлетворённой сексуальной энергии. Когда мы вышли из лифта на моём этаже, я потащил её по коридору к своему номеру практически бегом.

Её энтузиазм однако оказался почти равным моему и ночь прошла приятно. Много я об этом не помню, кроме того, что у неё были крошечные изящные рыбки, вытатуированные на каждой мускулистой, с ямочкой, ягодице. Когда она их напрягала, казалось, что рыбки плывут. «Символы фертильности», — сказала она мне.

Утром она ушла, не разбудив меня.

Это была — или должна была быть — вполне удовлетворяющая отпускная любовная связь: интенсивная, короткая и аккуратная. Тем не менее я чувствовал терзающую неудовлетворённость, которая заставила меня разозлиться на себя.

Впереди лежал долгий день и всё, что я хотел, это чтобы ночь пришла как можно быстрее. Я мог бы проспать весь день; я достаточно устал. Но меня все ещё наполняла странная энергия и я не думал, что мог отправиться в кровать.

Я спустился вниз и легко позавтракал. После я побродил по вестибюлю, рассматривая дюжину рекламных холоконтуров, расставленных в ряд вдоль стен.

Я остановился перед одним холоконтуром взглянуть на женщину, которая была красива почти настолько, чтобы быть сильфидой. Возможно она и *была* сильфидой — ни одно записывающее средство не способно было передать глубину красоты сильфиды, что было установлено многими создателями документальных фильмов к их отчаянию и финансовому краху. В любом случае, она с энтузиазмом рекламировала приятный круиз по Оку. «Поднимайтесь на борт бронированного парусного катамарана *Летучий Ханос* у Причала Старого Города. Сейчас действуют несезонные тарифы. Плавания по 1000 и 1400 по рабочим дням. Ночные круизы по 2500; совершите плавание под Светлячковой Луной с тем, кого любите, или тем, кого хотели бы

полюбить».

Контур показал замедленный визуальный ряд, снятый с низкого угла: воды Ока отгибаются странными вязкими волнами от узких носов лодки, словна она плыла по сладкому сгущённому молоку.

Вернулось изображение ярко улыбающейся женщины. «Увидите странные живые организмы Опалового Ока в их естественной среде обитания. Посмотрите скатов, панголоидов, луножуков. Иногда на поверхность всплывает виндидский угорь, а ещё вам может повезти настолько, что вы увидите линяющую сильфиду».

Огромный скат выпрыгнул из Ока, его белые плавники засверкали в солнечных лучах. Он плюхнулся с оглушительным грохотом, подняв шквал опаловой пены.

Женщина продолжила: «Всё оборудование для безопасности предоставлено. Это неповторимая возможность — не упустите её».

«Хорошо», — сказал я. «Не упущу».

Тем утром я, по-видимому, был единственным пассажиром на *Летучем Ханосе.* Я выбрал сиденье в центральной гондоле, как раз впереди крыльевой мачты. Купол из бронестекла давал панорамный вид и защищал ряды сидений от опасностей Ока, а каждое сиденье было оборудовано плоским экраном и наушниками.

Лодка заскользила от пирса и двинулась дальше через волнолом, движимая бесшумными реактивными двигателями, крыльевая мачта со свистом разрезала ветер. Оказавшись на открытой воде, крыло приняло аэродинамический изгиб и мы понеслись параллельно бесплодным черным утёсам, разрезая перламутровую поверхность, подбрасывая радужные завесы от каждого носа. Лодка подрагивала, как живое существо, испытывая лёгкую килевую качку при прохождении ряби. Это было необычно бодрящее ощущение, и я почувствовал себя чуть менее взволнованным.

«Боюсь, никаких животных сегодня не будет». Голос послышался с сиденья позади меня; я не слышал, как говоривший подошёл.

Я резко обернулся и увидел маленького, какого-то иссохшего, Крондиэмца. Он сидел, развалившись на сиденье, скручивая сигарету из какого-то кисло-пикантного растения.

«Какая досада», — сказал я.

Он зажёг сигарету. Пахла она ещё хуже и я был рад, что имел мало склонности к морской болезни. «Да, погода неподходящая;

сегодня все создания остаются глубоко в белизне».

Он затянулся и посмотрел на меня странно жадными глазами, словно изучая какое-то эксцентричное чудо.

Через некоторое время его молчаливый испытующий взгляд заставил меня испытывать неудобство, поэтому, я попытался пообщаться. «Вы пилот?»

«Вы можете меня так называть», — сказал он. «Но, на самом деле, лодка полностью автоматическая и во мне не нуждается. Иногда я позволяю ей выходить одной. Но не сегодня».

По-видимому, он предлагал мне разговорный гамбит. «Почему не сегодня?»

Он засмеялся. «Конечно же, потому что *вы* на борту».

Я был озадачен и немного взволнован. У этого незнакомца есть ко мне какая-то неприязнь? Я мельком взглянул на сверкающую поверхность Ока. Аэрированная жидкость была менее плотной, чем вода; человеческое тело утонет мгновенно и на метре глубины уже исчезнет из вида.

«О», — сказал я. «Я — просто турист».

Фыркнув, он тихо заржал. «Просто турист… который получит шанс с Мэделен Осимри».

Я почувствовал вспышку смущения и раздражения. «Что вы об это знаете? И какое вам до этого дело?»

«О, это не моё дело, но все в Кронdиэме знают о вас и Мэделен Осимри. Что вы будете рисовать её портрет… и, поэтому, будете с ней некоторый неизвестной продолжительности отрезок времени после того, как Осимри каркнется». Он заговорщически посмотрел на меня.

Никакого подходящего ответа мне на ум не пришло, поэтому, я ничего не сказал и стал смотреть наружу, на проплывающие утёсы.

Его голос стал мягче, но отдавал горечью. «Я знаю, что вы, пришельцы из далека, думаете о мужчинах Кронdиэма. Что наши женщины отрезали нам яйца, что у нас нет восприятия красоты». Он вдруг захихикал. «Ну, это правда, моя женщина могла бы исцелить меня ножом, если бы когда-нибудь узнала, насколько я в действительности ценю красоту. Но она никогда не узнает; мы научились жить с желаниями, которые убивают вас, пришельцев».

Я решил, что это довольно необычное доверие. Все другие Кронdиэмцы, которых я видел, казались такими непроницаемо приватными, что мне стало интересно, почему пилот говорил со мной о таких интимных вопросах. Возможно, он был просто необычно болтливым человеком. Или, возможно, обстоятельства перенесли меня через какую-то линию, от туриста до участника жизни города.

«Мы можем жить с нашими желаниями… но, если честно, мы должны также сознаться в зависти». Он стряхнул пепел на палубу. «Особенно в зависти к вам, пришельцам, которые приходят сюда и срывают вдов… спелый идеальный фрукт из наших садов». Он вздохнул.

«Я всего лишь собираюсь нарисовать её», — наконец сказал я.

Он тихо засмеялся, резким неверящим смехом. «Разве вы не знаете, что можете безопасно переспать со вдовой? Это будет не точно также хорошо, как с сильфидой, которую вы сделали сами — что-то такое говорят — но это будет довольно хорошо. Довольно хорошо, да. И, по крайней мере, вы не умрете за это. Даже не заболеете. Вы не знали этого?»

Моё горло внезапно сжалось, без всякой на то причины. «Да», — пробормотал я. «Знал».

В конце концов, он докурил сигарету и ушёл.

Нервозная бортовая и килевая качка лодки больше не казалась приятной. Я огляделся и наконец заметил маленькую чёрную кнопку на подлокотнике своего кресла. На кнопке была фигура из палочек, согнутая, одна рука схватилась на голову, другая — за живот. Волнистая линия стилизованной рвоты свисала с его лишённого черт лица. Я нажал кнопку и почувствовал укол кожеинъектора, когда он послал какое-то успокоительное лекарство в мой палец. После этого я почувствовал себя лучше.

После дальнейшего скучного часа бороздения Ока, *Летучий Ханос* возвратил меня в безопасности на пирс.

Мой порыв к осмотру достопримечательностей испарился. Это правда, что каждое место назначения имеет тысячу очаровательных аспектов, и что совершенно без труда ими наслаждаются туристы — которые могут видеть их свежим взглядом. Но Крондиэм принял для меня единственное значение, и это значение было всем, о чём я мог думать.

Я вернулся в номер и обнаружил, что простыни с прошлой ночи были заменены и в номере был восстановлен идеальный порядок.

Я вынул мольберт и попытался увлечь себя работой — часто, когда я работаю, я теряю ощущение времени и нахожу, что часы прошли незаметно. Но этим днём я уж слишком ждал прихода вечера и, поэтому, продолжал поглядывать на часы. Работа, которую я сделал, меня не удовлетворила.

Я попытался нарисовать Байрона Осимри на его столе поддержания жизни. Я изобразил его лицо в двух уровнях: чёткие металлические черты коже-маски и — едва проглядывающую,

словно коже-маска слегка просвечивала — разлагающуюся плоть, которая лежала ниже. Я обнажил глаз, вращающийся в ямке гноя, край скользкой кости, червивый кусок сгнившей щеки с чёрными зубами, мерцающими сквозь волокнистое мясо.

Я повозился с деталями оборудования поддержания жизни, превратив шланги в чешуйчатых рептилий и кольчатых червей. Ножки стола отрастили раздвоенные копыта. Блок контролирующего оборудования я организовал так, что циферблаты, шкалы и сенсорные экраны образовали человекоподобные лица, которые скалились и гримасничали.

Когда я, в конце концов, отошёл, чтобы оценить картину, я увидел, что изобразил Осимри в какой-то разновидности медицинских вечных мук. Это была картина, которая лучше всего подходила для того, чтобы пугать детей.

Вместо искусства я сотворил пропаганду. Я почти увидел эту работу как плакат для развешивания в коридорах школ по всем пангалактическим мирам. Надпись внизу гласила бы: «Мальчуганы, не взрослейте и не ездите на Ноктайл! Посмотрите, что с вами случиться!»

Моим первым порывом было удалить картинку — но я сохранил её. Возможно, я смогу из неё что-то сделать; если нет — я всегда смогу предложить её создателям плакатов. Не вся пропаганда — зло.

Остаток дня я провёл сидя у окна, смотря на крыши и навесы Крондиэма — и думая о Мэделен д'Осимри. Мне уже трудно было припомнить, насколько красивой она показалась, и я задумался, уж не был ли я перевозбуждён прошлой ночью… внушаем и очарован своими ожиданиями.

Когда опустились сумерки, я был слишком взволнован, чтобы есть, поэтому, я взял мольберт и отправился к вдовьему загону.

Я пришёл чуть позднее, чем в первый вечер, и слуги стояли вдоль волнолома, держа полотенца и одеяния, и обитые кейсы для граалей. Их фонари, поставленные у ног, светились жёлтым светом. Слуги, кажется, все были исключительно Крондиэмцами.

Небольшая группа туристов, в основном мужчин, ожидала через дорогу, весело общаясь, и я отошел от них и нашёл место возле волнолома, рядом с одной из стражей-горгульей.

Воды загона взволновались и появилась первая вдова, медленно взбираясь по ступеням от загона до волнолома. В одной руке она бережно держала пузырёк своего грааля, и именно грааль был тем, что в первую очередь увидел её слуга, взяв его осторожными руками и уложив в кейс.

Вдова, когда её освободили от ноши, упала на руки и колени.

Поток белой жидкости хлынул из её рта и носа, когда она прочистила лёгкие, потом она закашлялась, спина её выгнулась от усилия. Она издала что-то вроде мяукающего стона.

Я услышал, что она тяжело дышит, как обессиленное животное.

Через минуту она встала и взяла полотенце, которое передал ей слуга. Её движения, сначала какие-то неуверенные, приобрели уверенность, и она энергично вытерлась, игнорируя выкрикиваемые туристами приглашения. Она обернула халат вокруг своего прекрасного тела и зашагала прочь со своим слугой, направляясь, я полагаю, в свой дворец.

К этому времени стали выходить другие вдовы, но я не остался посмотреть их всех.

Были они все красивы, вдовы?

Да, конечно, хотя в темноте их красота была до некоторой степени сокрыта.

Но я запомнил не их красоту, а их краткую беспомощность, их боль. Это было представление с примесью какой-то ужасной *неправильности,* и я надеюсь, что никогда не увижу их снова.

Когда я пришёл к воротам сада, Крондиэмская женщина позволила мне войти, сверкнув на меня возмущённым взглядом, без веселья, которое она показала прошлой ночью — что я расценил как улучшение.

Она привела меня в комнату на террасе, которая, как теперь я увидел, была со вкусом обставлена ухоженными зелёными растениями, белыми плетёнками и диванными подушками с ярким рисунком. Это был интерьер, который был бы подходящим в любом бунгало на морском побережье на сотне различных миров.

Мэделен, одетая в длинное чёрное платье и тёмно-красный пояс, была, пожалуй, ещё сверкающе прекраснее, чем прежде. В её присутствии я почувствовал дрожащее смущение за свои прежние сомнения.

«Привет, Гражданин Хендер», — сказала она.

«Привет», — сказал я, чуть сбившись с дыхания. «Пожалуйста, зовите меня Миллен».

«Хорошо», — сказала она без тени насмешки. Мне пришло в голову, что если её красота была нечеловеческой, то и её явное отсутствие самосознания так же было нечеловеческим. Человеческую женщину мог бы позабавить блеск в моих глазах — или, возможно, вызвать пренебрежение.

«Можно мне называть вас Мэделен?» — спросил я.

«Конечно», — сказала она. «Байрон сегодня ночью с вами не

увидится; у него осталось так мало сил». Её глаза заблестели влагой, но слёзы не потекли. Я был глубоко изумлён. Сильфиды способны любить, в человеческом смысле? Я предполагал, по некоторым причинам, что все эмоциональные потоки текут в одном направлении: к сильфидам.

«Мне жаль», — сказал я.

Она кивнула. «Всё так и должно быть, я знаю. Но это тяжело». Она чуть улыбнулась. «Итак, вы бы хотели начать? Я сделаю, как вы скажите, в точности. Эта комната подойдёт? Мы можем принести больше света, если пожелаете».

Я осмотрелся. «Со светом порядок. Возможно, мы могли бы передвинуть диван в этот угол. Отодвинуть растения». Я указал место, где никакие следы и безделушки не портили белые стены и пол. «И возможно застелить диван белым покрывалом?» Мысль наложить совершенство Мэделен на этот пастельный образ вызвало у меня чувство слабого желудка.

Она кивнула слуге, который принес белое постельное покрывало и привёл другого Кронdиэмерца. Двое слуг с трудом передвинули диван в угол и расстелили покрывало.

Мэделен посмотрела на меня вопросительно. «Хорошо», — сказал я. «Присядете?»

Она села на диван и её платье опустилось вокруг неё изящными складками. Я нарисовал много официальных портретов и обычно укладка складок платья — это вопрос бесконечной возни. Это мгновенное совершенство было почти сверхъестественным.

Я установил мольберт, подключил цветопалочку. «Я только сделаю несколько быстрых набросков», — сказал я.

Она кивнула, а затем стала смотреть мимо меня, во тьму ночи Ноктайла.

По-всему, должна была поучиться элегантная композиция: белая стена, чёрное платье, единственный цвет — её бледно-фиолетовая кожа и аметистовые локоны, её глаза и рот. И она была превосходной моделью, неподвижной и, несмотря на это, полной вдохновения. Однако уже через несколько минут наступило разочарование. Я нарисовал бы её лицо, её длинные руки с той силой и умением, которыми я владел — а затем я взглянул бы на неё и увидел, как же я далёк от успеха.

Моё разочарование, должно быть, было очевидно. Мэделен заговорила тоном сочувствия. «Я — трудный объект?»

Я грустно улыбнулся. «На вас очень легко смотреть, но очень трудно нарисовать. Ваш супруг был прав, назвав это вызовом; на самом деле никто никогда не делал настоящего изображения…

такой персоны, как вы».

«Вы можете называть меня сильфидой; это то, что я есть. Этот термин не доставляет мне неудобства». Она казалась вполне прагматичной.

Моё любопытство вспыхнуло, стало непреодолимым импульсом. «Есть много вопросов, которые я хотел бы вам задать, если можно».

Она откинулась на диване. «Спрашивайте, Миллен. Мой муж приказал мне делать всё, что вы пожелаете».

«Я не хочу, чтобы вам было неудобно».

Она улыбнулась. «Сомневаюсь, что вы можете попросить меня о чём-то, что может вызвать у меня невыносимый дискомфорт».

По какой-то причине её уверенность поразила меня как абсолютно умилительно человеческая. Я подавил в себе странный порыв закричать.

Я опустил взгляд и попытался собраться с мыслями. Я разговаривал с инопланетным существом, я говорил, я говорил. Это была *сильфида,* паразитический организм неизвестных источников происхождения и целей, не женщина. Она выкачала жизнь из Байрона Осимри. И скольких ещё мужчин? Если у Осимри были друзья, семья, они несомненно считали это существо чудовищным, убийственным демоном.

Конечно, для меня она не представляет опасности; поэтому, я не вижу её чудовищности?

«Хорошо», — сказал я наконец. «Каково это — быть сильфидой?»

«Вы не обдумали эту мысль, не так ли?»

«О чём это вы?» В своём голосе я услышал защитные нотки, хотя в её лице не было насмешки или обвинения.

«Миллен, вы спросили, каково это быть мной. Если бы вы задали такой же вопрос любому другому человеку, вы бы ожидали получить полезный ответ? Я не знаю, каково быть кем-либо, кроме Мэделен Осимри. Вы на самом деле предполагали понять, каково это быть кем-то, кроме Миллена Хендера?»

«Полагаю, что нет». Возможно, сначала, я думал, что она более познаваемая, менее сложная, *из-за* её нечеловеческой природы. Я понял, что это было в высшей степени человеческим мнением. «Тогда, может быть, будет легче рассказать мне, чем вы отличаетесь от меня? Или любого другого человека?»

«Вы перефразировали тот же самый вопрос, Миллен», — сказала она, немного печально. «Насколько я знаю, в человеческой фазе я такой же человек, как и вы».

«Правда? Как это возможно?»

«Почему нет? Моя индивидуальность происходит только от

мужчин, с которыми я жила, и ниоткуда больше».

Я задумался. «Люди не так приобретают свои характерные черты».

«Не так? Вы — продукт своих предков, физически и культурно. Я — продукт своих мужей — генов и культур их предков». Она посмотрела вдаль, на бледное свечение Ока. Её внезапно наступившее грустное настроение, казалось, усилило её красоту до невыносимой степени. Дышал я с трудом. «Правда», — продолжила она. «Я эволюционировала через посредников — но до некоторой степени, как и вы. У вас не было учителей?»

«Были», — сказал я. «Но некоторые из моих учителей — и половина моих предков — были женщинами».

Она улыбнулась и одарила меня озорным взглядом. «А вы думаете, что мужчины не в состоянии понять, что это — быть женщиной? Какое любопытно устаревшее представление. Сходства между человеческими мужчинами и человеческими женщинами гораздо более существенны, чем их различия; разве это не было общепринятым знанием на протяжении тысяч лет, задолго до того, как люди впервые отправились к звёздам? Мужчина может стать женщиной, а женщина — мужчиной без какой-либо гибельной психической корректировки. Разве подобные изменения не являются самыми дешёвыми трюками в репертуаре ген-склейки?»

«Полагаю, так», — сказал я.

«Вы слышали о Хелиде Джонс, бывшей святой Церкви ФемЖизни? Она приехала на Око, чтобы взять сильфиду, основываясь на той предпосылке, что она может сделать всё, что может мужчина. Она прождала на Пляже Встречи больше сотни лет, ела сырую кукурузную муку и пила рециркулированную воду — тогда она и была канонизирована. Но однажды она махнула рукой, пошла к ген-склейщику и стала мужчиной. После этого, конечно, Хелида потребовала сильфиду и умерла, но не раньше, чем ФемЖизнь аннулировала её святость». В её глазах показался ленивый огонёк; я не мог сказать, шутит ли она.

Последовала тишина. Я был доволен тем, что просто смотрел на неё. Я забыл о цветопалочке, которую держал в руке, и был на пути к тому, чтобы забыть наш разговор, когда она снова заговорила.

«Миллен», — сказала она. «Я знаю, что поддразнила вас с вашим вопросом. Но скажите мне: Каково это — быть вами?»

Я помедлил с ответом; мои мысли блуждали в чём-то вроде прелестных мечтаний, достаточных самих по себе. «Мной? На самом деле, я не думаю о себе, как обладающем большой индивидуальностью. Я предпочитаю такое отношение; я пытаюсь

быть прозрачной линзой без дефектов, через которую была бы ясно видна красота, без приукрашиваний и искажений».

«Это очень амбициозно».

Я вспыхнул, смущённый своим глупым позёрством.

«Нет», — сказала она. «Я это не в смысле критики. Итак, какая же форма у вашей линзы?»

«Форма?» Я поразмыслил об этом. «Человеческая, более или менее. Так, что другие люди могут смотреть на мои картины и видеть что-то из тех же самых вещей, которые видел я, своими человеческими глазами. Полагаю, это лучшее, что я могу сделать».

«А», — сказала она и каким-то образом это не был не имеющий смысла вежливый звук, каким он был бы в большинстве ртов. Хотя я не могу объяснить, чем он отличался.

Другой вопрос пришёл мне в голову. «Вы упомянули свою человеческую фазу. Насколько вы отличаетесь в вашей *другой* форме?»

«Этот вопрос лучше, Миллен, но, боюсь, я не смогу дать вам очень полезный ответ. Ученные говорят, что мы не разумны, и, вероятно, они правы. Я ничего не помню о своей жизни в Оке, за исключением…» Её лицо посветлело. «За исключением того, я думаю, что это было радостно. Без слов, без мыслей — просто радостно».

Это показалось настолько странным, что я захотел спросить ещё, но в это время в комнату влетела с выпученными глазами Крондиэмская служанка с важным сообщением, которое она прошептала Мэделен на ухо.

Лицо Мэделен исказилось и она поднялась. «Извините», — сказала она и почти бегом вышла из комнаты.

Прошло больше часа, прежде чем она вернулась. Я вышел на террасу и, оперевшись на каменную балюстраду, смотрел на Око.

Она подошла бесшумно. «Миллен?» — сказала она и я подпрыгнул.

Она стояла в нескольких метрах, лицо омрачено, руки сложены вместе на талии.

«Да», — сказал я.

«Байрон Осимри умер», — сказала она, её голос слегка дрожал.

Я не был уверен в том, что мне следует сказать. Всё же, *это* она убила своего мужа, хотя он и был добровольной жертвой. В конечном счёте я остановился на пустой традиции. «Мне жаль», — сказал я.

«Спасибо», — сказала она. «Вы не против, если мы прервёмся

до завтра? У нас достаточно времени. Я позвоню вам в гостиницу».

«Конечно», — сказал я. «Конечно. Я только схожу за мольбертом».

Она повернулась, когда я проходил мимо неё, так что свет из комнаты упал на её лицо. Я был поражён, увидев, что её щёки мокрые. Её глаза были обрамлены нежной бледной зеленью, цветом её крови.

Я шёл домой по тёмным безопасным улицам Кронdиэма, полный приятного смятения.

Моё время здесь оказалось богатым событиями гораздо больше, чем я представлял себе в самых оптимистичных мечтах. Я не только встретил сильфиду и поговорил с ней, меня наняли нарисовать её портрет. Ни один разумный человек не осмелился бы просить у фортуны больше, чем я уже получил. И всё же…

Но когда я подумал о том, как делю ложе с Мэделен, моя страсть больше не жгла также просто и горячо, как до нашего разговора. До того, как я немного узнал её.

Люди, даже нечеловечески красивые люди, даже инопланетные люди, всегда более сложны, когда перестают быть символами и становятся личностями. К лучшему или худшему, я осознал, что она стала личностью.

Я спал долго и без снов, и проснулся поздним солнечным утром. Я поел в номере, а затем, подчиняясь суеверному порыву, перенёс изображения со своей используемой мультипамяти на курьерскую пластину и отправил её к себе домой. Всякое случается, сказал я себе.

По крайней мере, эти несколько картин были в безопасности, какими бы непригодными они не были. Не зависимо от того, что случится.

Её сообщение пришло как раз перед полуднем; она попросила меня прийти во дворец, когда мне будет удобно.

Я выскочил из гостиницы несколькими минутами позже, растрёпанный, волосы ещё мокрые, рубашка не заправлена. Я заметил странные пристальные взгляды гостиничного персонала. Возможно, я их придумал, но взгляды были одновременно и презрительными, и завистливыми — странное сочетание.

Когда служанка позволила мне пройти через ворота сада, я почти рысью бросился вверх по тропе к террасе.

«Сэр!» — сказала Кронdиэмка резко. «Мэделен Осимри ожидает вас в своём личном саду. Сюда, пожалуйста».

Она указала путь вдоль стены, прочь от террасы.

Я следовал за ней до поперечной стены из старого розового кирпича. Она постучала в деревянную дверь ромбовидной формы.

«Входите», — сказал совершенный голос, и служанка распахнула дверь. Я прошёл внутрь и служанка закрыла дверь, оставив нас одних.

Мэделен сидела на скамье из серого камня, на ней был свободный белый кафтан. Её волосы были сколоты в искусной взъерошенности. «Привет, Миллен», — сказала она.

«Привет», — сказал я и уставился на неё, восторгаясь, что её красота не стала менее потрясающей. Через мгновение мне пришло в голову, что смотрю я грубо. С усилием, я перевел взгляд на окружение.

Её сад был небольшим тенистым оазисом порядка среди заросшего главного сада. Стены был сокрыты массами вьющейся зелени, цветки плотно закрыты в ожидании ночи. Висящий фонтан в форме шутовского лица с длинным языком выглядывал из вьющихся лоз на дальней стене. Вода стекала вниз по языку и шлёпалась в полукруглый пруд. Группа светло-вишнёвых лилий делала тёмные воды ярче, а под их листьями метались серебристые очертания.

Огненное дерево с элегантно изогнутым стволом склонилось над скамьёй, а вдоль стен располагались клумбы с ароматными травами, их кружевная листва была сотней едва различимых оттенков серо-зелёного.

«Вам нравится?» — спросила она.

«Очень», — сказал я.

Она похлопала по скамье рядом с собой. «Садитесь, пожалуйста».

Я сел. От её близости моя голова закружилась, но я попытался принять подобие отстранённости, вглядываясь в маленький прудик словно в безмятежном созерцании.

«Я смотрю, у вас с собой мольберт», — сказала она. «Вы хотели бы нарисовать меня здесь? Свет подходящий?»

Я сделал вид, что осматриваюсь. «Прекрасный. Свет прекрасный, Мэделен».

«Хорошо. Сколько это займёт времени? Рисование?»

Я почувствовал внезапный укол тревоги. «Я не знаю. Почему вы спросили? Сколько у меня есть времени?»

«О, времени у вас есть столько, сколько нужно. Но через неделю, или самое большое через десять дней, я должна буду идти во вдовий загон и после этого вы сможете рисовать меня только при искусственном освещении. Для вдов солнце — слишком резкое; от него сходит кожа. А единожды повреждённые, мы уже никогда не бываем прежними. Наш человеческий облик

исчезает». Её глаза стали меланхоличными.

Я сделал небольшое уточнение. «Вы имеете в виду, что я могу рисовать вас столько, сколько потребуется?»

«Столько, сколько потребуется». На мгновение меланхолия сделалась глубже, а потом, кажется, ушла прочь от проблеска противоречивого веселья во взгляде. «Так приказал мой муж и я должна повиноваться».

Путеводители описывали это абсолютное повиновение как «наименее человеческое из отличительных свойств сильфиды».

Я почувствовал неожиданное беспокойство. «Скажете мне ещё что-то? Если бы ваш муж не приказал, вы разрешили бы мне рисовать вас? У вас вообще была бы какая-то заинтересованность?»

«Возможно», — сказала она. «Но в любом случае, вы — приятный человек, Миллен. Ваше присутствие не очень тягостно. А что, если бы я столкнулась с каким-то художником — грубым болваном? Я так понимаю, что подобные художники не редкость». Её глаза улыбнулись, слегка. «Конечно, будь вы болваном, я не рассказала бы о вас Байрону».

«А», — глупо сказал я. Через секунду я встал и установил мольберт. Я походил по периметру сада и наконец выбрал выгодное положение, которое включало фонтан и пруд, как раз видимые позади Мэделен.

Я подключил провод цветопалочки к своему запястью.

«Миллен», — сказала она. «Байрон проинструктировал меня спросить: Вы предпочитаете рисовать меня одетой или голой?»

Моё горло сжалось так, что я едва смог заговорить. «А вам будет удобно голой? День прохладный».

«Не для меня. Диапазон моего удобства шире, чем вашего». Она встала и расстегнула на плечах застежки кафтана, так что он упал к её ногам. Под ним на ней ничего не было. Она подняла кафтан и положила его поперёк скамейки.

Крохотным уголком своего разума я подумал: Она знала, что это может произойти, поэтому она надела одежду, которая не оставила следов на её коже.

Но по большей части я пристально всматривался, пустой в это мгновение ото всего, кроме восхищения. Я говорил, что большинство здоровых молодых женщин обладает прекрасными телами, но, глядя на Мэделен, я начал сомневаться, уже не был ли я абсурдно недискриминационным.

Она стояла ко мне лицом, руки по бокам, совершенно непринуждённая и без тени кокетства. Тем не менее, по мне прошла почти нестерпимая пульсация вожделения, и я был признателен мольберту и его странице мультипамяти, которые

скрыли от неё некоторую очевидность — хотя я уверен, что моё лицо кричало без слов.

Я искал, чтобы сказать такого безобидного, и, конечно же, не нашёл. «Какие ещё», — спросил я — «инструкции отдал ваш муж, относительно меня?»

Она грациозно села. «Он сказал, что я должна предоставить вам всё, что вы захотите».

«Всё?» — глупо спросил я, затаив дыхание в предчувствии.

«Да. Пока вы не попросите от меня того, что пойдёт в разрез с другими его инструкциями».

«Какими же», сказал я, ощущая необычную панику, как ребёнок, которому предложили конфетку только для того, чтобы снова её спрятать.

Она вздохнула. «Я должна ходить в загон, я должна сохранять своё человеческое тело, часть каждой ночи я должна жить здесь, в нашем доме».

«А что-то ещё, что-то, что не мешает этому?» Я лишь смутно осознавал, как это могло звучать со стороны.

Она вовсе не казалась обиженной. «Всё, что угодно, Миллен».

У меня закружилась голова. Я посмотрел на её великолепное тело и больше всего на свете захотел попросить её лечь на скамью. Позволить мне трогать её везде, чтобы почувствовать её всеми моими чувствами — а не только глазами. Попробовать её на вкус, исследовать текстуру её кожи, услышать звуки, которые она может издать. Присоединить себя к её совершенству.

Но я не попросил. Возможно я испугался, что действительность может не оправдать моих ожиданий. Или что это может быть принуждением, вроде изнасилования. Или что, по крайней мере, я могу совершить какой-то низменный поступок самообмана, ничем не отличимый от покупки услуг одной из тех имитаций сильфид, которые продают себя в барах Кронди эма.

Нет. Ничего такого не нужно. Что я действительно чувствовал, так это надежду, что если я заставлю себя подождать, она может прийти ко мне по своей воле.

А если нет… будут другие дни, другие ночи.

Мне стало стыдно от этой последней мысли, поэтому, я встряхнул головой и включил палочку.

«Какую позу мне принять?» — спросила она.

«Сядьте удобно», — сказал я.

Она так и сделала, а я нарисовал её. Я всё ещё помню почти каждую деталь. Она сидит, спина прямая, плечи отведены назад, груди выставлены, длинные красивые руки лежат на ровных бёдрах, ноги немного раздвинуты, ступни прочно стоят на кирпичах, на лице — лёгкая улыбка. Голова чуть склонена набок,

так что её открытая шея приобрела нежный изгиб. Она смотрит на меня с любопытной напряжённостью, хотя, возможно, это было лишь отражение моего собственного пылкого внимания.

К тому времени, когда свет потускнел, я добился картинки красивой женщины, которая в каждой детали походила на Мэделен д'Осимри. Но не была ей.

Я был удручён и настолько полон разочарования, что хотел разбить свой мольберт.

Она подошла и встала рядом со мной, ещё голая. Её выражение невинного любопытства было настолько сильным, что на секунду я забыл вожделеть её.

«Прекрасная работа, Миллен. Ты на самом деле видишь меня так?» Она говорила с явным искренним восхищением. У неё был точно такой же сладкий запах, как дыхание Ока, и моя голова слегка закружилась.

«Нет», — ответил я. «Ты — гораздо более красива, чем это. Я потерпел неудачу».

Она похлопала меня по руке и пошла надеть свой кафтан.

Пока я смотрел, как она одевается, вернулась моя похоть, горячее, чем прежде. Смотреть, как одевается женщина, это гораздо более интимный акт, чем смотреть, как она раздевается. Когда женщина одевается перед вами, это подразумевает, что вы были с ней, когда она была голой, и что бы ни произошло между вами, это оставило ей чувство уюта по отношению к вам.

Хотя в случае с Мэделен, я не думаю, что она когда-нибудь испытывала какую-либо неловкость, когда была голой. Возможно, это было из-за её совершенства, неопровержимой красоты — или, возможно, это было подтверждением её инопланетного происхождения.

Она настояла, чтобы я поужинал во дворце, я так и сделал. Её повар не приложил никаких особых усилий, чтобы порадовать меня; мясо было пережарено, а салат — жухлым. Но я был странно счастлив сидеть напротив Мэделен за огромным эбеновым столом, жевать безвкусную еду и смотреть, как она прихлёбывает из кубка бледную жидкость, принесённую свежей и холодной из Опалового Ока.

Вечер был как в волшебной сказке, словно я обедал с прекрасной принцессой, может быть, недавно освобождённой из неволи от жестокого волшебника. Это мгновение, казалось, содержало в себе весь эксцентричный вычурный блеск подобных историй. Я несомненно признал, что нахожусь в месте, которое никогда себе не представлял, в компании таинственного существа. Я почувствовал роящиеся вокруг меня возможности —

всякое может произойти.

Это необычное удовлетворение удержало меня от разговора во время еды, и она, казалось, не возражала против моего молчания.

Позже она пригласила меня на террасу. Служанка принесла обитую скамью, шерстяное покрывало и серебряный кубок горячего, сдобренного специями, вина.

Мы вместе сели на скамью, почти касаясь друг друга, отвернувшись от Ока и глядя на чёрные высоты кольцевой стены позади Кронди эма. Покрывало мы расстелили на коленях.

Я отхлебнул вина, держа тёплый кубок обеими руками.

Прошло несколько минут. Затем над кольцевой стеной взошла, блистая, Светлячковая Луна.

Это была одна из тех достопримечательностей, посмотреть которые я приехал на Ноктайл. Несколько сотен лет назад консорциум Ноктайлцев построил на единственном спутнике планеты роботизированную плавильную печь и электромагнитную катапульту, которая с тех пор запустила несколько миллионов огромных отражательных дисков из фольги по неупорядоченной эксцентрической орбите вокруг луны.

«Она прелестна, не так ли?» — спросила Мэделен.

Луна плыла в блестящем розовом облаке. «Да», — сказал я. Она *была* прелестна — но не более, чем прелестна. У неё не было разрывающей сердце непреодолимой красоты Ока. Или Мэделен.

Немного позже она заговорил снова. «Помнишь, когда ты в первый раз пришёл меня рисовать? Ты сказал, что у тебя есть много вопросов ко мне».

«Ну, да, было. Есть».

«Спрашивай», — сказала она. «Всё, что угодно».

Я подумал о той ночи и её глазах, когда она вернулась ко мне после смерти её мужа. «Ты?.. Это ужасно спрашивать, но… ты любила своего мужа?»

«О, да», — сказала она без колебания. Её рот задрожал.

«Значит, он был хороший человек?»

«Я не знаю, на самом деле. Он был очень хорошим по отношению ко мне, но с сильфидами и их мужьями так случается почти всегда». Она улыбнулась. «Люди могут плохо обходиться со своими любимыми, или могут плохо обходиться с самими собой. Сильфиды делают и то, и другое, в некотором смысле. Кажется, чтобы сохранить нашу безопасность. В любом случае, Байрон никогда не говорил о своём прошлом. Он всегда говорил, что его жизнь началась, когда я вышла из Ока». Лицо её было ласковое, мягкое от воспоминания — и я почувствовал внезапный резкий укол необоснованной ревности.

Отчасти, чтобы сменить тему, отчасти, я полагаю, чтобы быть жестоким, я сказал: «Я недавно посмотрел симпозиум, по контуру в моём номере. Они спорили об истоках происхождения и целях Ока. Что ты об этом думаешь?» Как только я это произнёс, я пожалел о своих словах.

Она медленно повернулась ко мне, её улыбка пропала. «У меня нет точных сведений. Но я могу высказать предположение, если хочешь. Я — паразит. Но для какой цели? Вот в чём вопрос, не так ли?»

«Прости», — сказал я. «Мне, правда, очень жаль, Мэделен».

«Ты не должен извиняться», — сказала она. «Нет, я расскажу тебе, что я думаю. Я думаю, что я — артефакт, сделанный теми же, кто сделал Око. Органическая машина. Помещённая сюда, чтобы собирать благородные души — хотя зачем, зачем — я не знаю. Представить себе не могу». Её огромные глаза были печальны и она не отворачивалась, и я подумал, что умру от стыда.

«Миллен», — сказала она. «Почему ты не можешь перестать размышлять обо всём этом?» Она обняла меня, словно я был тем, кому требовалось утешение.

Её близость прогнала прочь все мысли. Я почти перестал дышать, настолько сильным была моя погружённость в восприятие этого момента. Она положила руку мне на грудь и сказала: «Притормози своё сердце, Миллен. Я не хочу быть ответственной за то, что оно разорвётся».

Я поднял дрожащую руку и дотронулся кончиками пальцев до ложбинки между её грудей. Её кожа была тёплой, а её инопланетное сердце билось в медленном замысловатом ритме.

Она поцеловала меня, её губы были мягкие и слегка липкие, её дыхание пахло ароматом Ока. Она настойчиво подергала пуговицы моей рубашки.

Неважно, сколько я проживу, неважно, что со мной произойдёт, я никогда не забуду часы, что мы провели вместе. На дворцовой террасе, выходящей на Опаловое Око. Под Светлячковой Луной.

Я удовлетворил всё своё любопытство. Я узнал все текстуры, вкусы, и запахи её чудесного тела. Полагаю, что я доставил ей удовольствие — хотя, конечно, я, возможно, не смог доставить ей удовольствия столько же, сколько она доставила мне.

Её улыбка вернулась и она засмеялась. Её смех был именно таким прекрасным звуком, какой я всегда надеялся услышать.

Рассвет брезжил над кольцевой стеной. Мы прижались друг к другу под покрывалом; я был поразительно уставшим и в той же

самой мере удивительно счастливым.

«Пойдём в мою комнату, Миллен», — сказала она, потираясь лицом о моё плечо. «Она в самой высокой башне дворца. Оттуда прекрасный вид на Око. Мы можем проспать весь день в моей постели, если хочешь».

«Хорошо», — сказал я.

Она потянула меня, чтобы я встал на ноги, обернула вокруг меня покрывало. «Носи это. Служанка принесён нашу одежду позже». Она пошла рядом со мной, голая и грациозная, и провела меня по дворцу.

В маленькой комнатке в основании её башни находился стеклянный контейнер, в котором был её грааль. Мне следовало заметить, как она проигнорировала его, как отвергала его существование, пока проходила мимо, но я был сонный. Глупый от избытка радости.

«Это твой?» — спросил я, останавливаясь у контейнера.

Она с неохотой остановилась, вернулась и встала рядом со мной. «Да», — ответила она тихим тусклым голосом.

«Красивый», — сказал я. В кварцевом шаре находился синтезатор, скрывавший механизм за огранкой настолько сложной, настолько искусной, что кристалл, казалось, колебался на грани растворения в чистый свет.

«Не для меня», — сказала она более решительно.

Наконец я заметил. И всё же глупо продолжил. «Ты не хочешь быть вдовой?»

«Как ты мог так подумать?» — сказала она немного бурно. «Кто бы не захотел провести свои дни, плавая во вдовьем загоне, всасывая консерванты? Кто бы не захотел провести бесконечную жизнь в этом дворце, в одиночестве, никогда не изменяясь, никогда не излечиваясь от, от…» Она остановилась и слезы побежали по её щекам. Я увидел, что они были такими же прозрачными, как слезы любой человеческой женщины.

«Одной?» — сказал я. «Я не уйду, пока ты не скажешь мне уйти».

Её лицо пришло в уныние. «О. О милый. Как бы мне объяснить тебе. Ты — прекрасный человек, Миллен, но ты никогда не сможешь стать Байроном Осимри».

«Нет, конечно, нет…»

Она перебила. «Можно я расскажу тебе, что я думаю о зле? Пожалуйста? Ну тогда… Я подозреваю, что Байрон когда-то был жестоким человеком, который совершал ужасные вещи, чтобы приобрести своё богатство. Перед тем, как приехал на Ноктайл и я вышла к нему.

Я думаю, зло — это вот что: это результат

неуравновешенности в душе. Жестокий человек подавляет сострадание и отпускает поводья жестокости. Полные ненависти люди выпускают ненависть во вселенную и держат любовь в заточении. Но на самом дне каждой души, неважно насколько жестокой и злобной, любовь и сострадание выживают, закованные в цепи.

Я узнала душу Байрона до самого дна, во всём её блеске и красоте — потому что он отдал её мне. Я никогда не смогу в такой же мере узнать твою, хотя я уверена, что твоя душа точно так же прекрасна. Или даже более прекрасна… это не имеет значения».

«О», — сказал я онемело.

Она вытерла глаза. «Ты был очень добр, Миллен. Я благодарна; ты был нужен мне и на некоторое время ты облегчил моё сердце. Но ты не Байрон, ты не мой дорогой, который не намеревался быть жестоким». Она посмотрела на грааль с ненавистью такой сильной, что я отступил назад.

Затем она повернулась обратно ко мне и её глаза были пусты ото всего. «Он отдал мне свою душу. А потом я его убила».

Я положил ей руку на плечо, но она сбросила её. «Я думаю, мои создатели намеревались быть жестокими. Никакая машина, даже машина из плоти и крови, не должна чувствовать подобной боли только из-за того, что сделала свою работу.

Я знаю, почему мы сделаны подобным образом. Знаю, но это всё равно неправильно. Боль нужна, чтобы гнать нас обратно в Око. Назад к забвению, обретаемому в Оке». Она сделала паузу и с содроганием вдохнула. «Мои создатели недооценили человеческую талантливость, не так ли?»

Я не смог ответить.

В конце концов она взяла меня за руку и повела меня вверх по спиральной лестнице в свою маленькую комнату на вершине башни.

Там было только одно окно, такое же узкое, как в моём гостиничном номере. Она потянула меня к нему. Я посмотрел вниз на Око и увидел, что вдовий загон был прямо под нами.

Прекрасные женщины, волоча ноги, устало спускались по ступеням в белую жидкость загона, держа свои граали в заботливых руках.

Мэделен издала сдавленный звук боли и прижалась лицом к моему плечу. Я обнял её руками; это всё, что я смог сделать.

Мы спали в её кровати, но это больше не был сон радостного изнеможения, каким бы он мог быть.

Мне снилось, что мы лежим вместе в очень небольшом пространстве, при тусклом меняющемся свете, на жёсткой узкой

кровати. Повернувшись на бок, я смотрю на неё со своей обычной желанной сосредоточенностью, пока она спит.

Слезы просочились из под её век и увлажнили изгибы её щёк. Я вынужден перевести взгляд и, поэтому, смотрю на её груди — разумное отвлечение внимания.

Но затем её смотрящие вверх соски стали выделять белые капельки — молоко с благоуханием Ока. Молоко сбежало вниз по её бокам и образовало под ней лужу. Её соски зажурчали как родники и с нелогичной плавностью сна я обнаружил себя плавающим в сладкой белизне.

Мэделен исчезла, её сущность истаяла в жидкость, которая удерживала меня. Некоторое время я чувствовал удовлетворение, но потом я осознал, что уже долгое время я не дышу. Я открыл рот и попробовал молоко, и понял, что тону в молоке печали.

Я проснулся без метаний, вытолкнутый из сна плавно и внезапно.

Я поднялся, не потревожив Мэделен, и закутался в халат из хлопка. Долгое время я стоял рядом с её кроватью и смотрел на неё, наполняя свои глаза стольким количеством её красоты, сколько они смогут вместить.

Она спала на животе, правая рука согнута под головой. Одна длинная нога выскользнула из под одеяла.

Я наклонился по-ближе и рассмотрел, как её аметистовые ресницы ласкают бледную кожу под ними.

Думаю, я надеялся, что она проснётся. Но она не проснулась.

Я спустился по спиральной лестнице. Эгоизм и грусть кричали на меня, но я игнорировал их голоса и ни о чём не думал, вообще ни о чём, и не держал внутри себя ничего, кроме хрупкого слащавого порыва, который выгнал меня из её постели.

Когда я добрался до комнаты, где ожидал её грааль, я поднял кадку из плавленного камня и разбил контейнер.

Я раздолбил грааль, колотил по нему, пока его шар не сломался и не рассыпал все свои драгоценные внутренности. Тонкая струйка коричневой жидкости закапала на плинтус. Она резко пахла гнилью.

Я бросил кадку как раз, когда в комнату вбежала Крондиэмская служанка.

Она остановилась как вкопанная, руки взметнулись ко рту.

«Я закончил», — сказал я.

Мэделен спустилась по лестнице. Выражение на её лице, когда она увидела разбитый грааль, было именно тем, на что я надеялся. Однако пока эта восхитительная улыбка изгибала её рот, она сказала служанке: «Вызови Туристическую Полицию».

Служанка порысила прочь.

«Спасибо тебе, Миллен», — сказала она. «Прощай. Прощай».

Я сумел лишь отрывисто кивнуть. Что я мог сказать? Она помахала рукой и вошла в зал. Я слышал мягкий топот — её босые ноги торопились прочь.

Через некоторое время я вышел на террасу. Я увидел, как она пробежала несколько последних шагов к волнолому. Когда она бросилась со стены в превосходном прыжке, было что-то незабываемо торжественное в изгибе её тела.

Око сомкнулось над ней и она исчезла.

Когда прибыла Туристическая Полиция, они, по-началу, не поняли, а потом пришли в холодную ярость. Они конфисковали мой мольберт и мультипамять, на которой были последние изображения Мэделен.

Они посадили меня на первый же отбывающий шатл и сказали, что на Ноктайле мне лучше больше никогда не появляться.

Я верю, что она сделала это, чтобы спасти меня, потому что знала, как я буду уязвим, когда она уйдёт. Туристическая Полиция заверила меня в скорейшем отбытии с Ноктайла.

Пока я смотрел, как уменьшается Ноктайл в кормовом иллюминаторе шатла, я чувствовал растущую уверенность в том, что мы обменялись некоторой степенью любви.

Дома я обнаружил курьерскую пластину с ранними набросками с Кронди эма. Со своими воспоминаниями о Мэделен и сделанным мной наброском Байрона Осимри, я создал картину, которая мне понравилась — хотя, конечно, на ней была лишь тень красоты Мэделен.

Одетая в своё чёрное платье, она стоит рядом со столом поддержания жизни Осимри. Её прекрасная рука нежно лежит на неприятной форме умирающего тела её мужа. Его маска — всего лишь отчасти человеческое грязное пятно в тени.

На её лице — могильная скорбь покорности.

Если вы посмотрите очень близко, то сможете увидеть отражённое в её чудесных глазах крохотное искажённое изображение мужчины у мольберта.

notes

Примечания

1

Sylph — сильф (существо, дух, обитающие в воздухе); сильфида, грациозная девушка. Сильф (м. миф.), сильфида (ж. миф.). Поскольку речь в повести идёт о женщинах, в переводе использовано слово «сильфида».

2

Вермильон — ярко-красный, алый цвет.

3

Ecstasine — скорее всего от англ. ecstasize — приводить в восторг, впадать в экстаз.

4

Изумруд — это ступенчатая прямоугольная огранка с усеченными углами, имеющая восьмиугольный контур.

5

Enforcer — лицо, принудительно осуществляющее право в судебном порядке; орган, претворяющий право в жизнь; профессиональный убийца.

6

Подражательный, обладающий мимикрией.